

От автора мирового бестселлера
«ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»

Корабль невест

ДЖОДЖО МОЙЕС

Удивительно романтично
и трогательно.

Daily Mail

Annotation

1946 год. Авианосцу Военно-морского флота Великобритании «Виктория» предстоит очень долгий и трудный путь из Австралии в Англию. На его борту моряки и летчики, выдержавшие тяжелые испытания в годы войны.

Но «Викторию», как будто позабыв о славном боевом прошлом, называют кораблем невест. Ведь на нем к своим мужьям, с которыми их в трудные годы соединила судьба, плывут 650 женщин. И среди них Фрэнсис Маккензи. Она стремится убежать от своего прошлого, но оно преследует ее за тысячи миль от дома, и Фрэнсис внезапно понимает, что зачастую путешествовать гораздо важнее, чем прибыть в пункт назначения...

Книги Джоджо Мойес переведены на многие языки мира, регулярно входят в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», а права на их экранизацию покупают ведущие киностудии Голливуда.

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

Корабль невест

* * *

*Посвящается Бетти Макки и Джо Стонтон-Ламберту
как дань их отваге, проявленной в ходе столь разных
путешествий*

Отрывок из стихотворения «Алфавит» военной невесты Иды Фолкнер, взятый из книги Джоанны Ламли «Солдатские возлюбленные», воспроизведен с любезного разрешения «Bloomsbury Publishers» и Британского военного музея.

Отрывок из книги «Арктические конвои 1941–1945» Ричарда Вудмана приведен с любезного разрешения «John Murray (Publishers) Ltd.».

Выдержки из газет «Сидней монинг геральд», «Дейли мейл» и «Дейли миррор» приведены с любезного разрешения соответствующих издательских групп.

Выдержки из архива Эвис Р. Уилсон приведены с любезного разрешения ее наследников и Британского военного музея.

В романе также приведены отрывки из книг «Вино, женщины и война» Л. Тромена, бывшего матроса с авианосца «Викториес» (издательство «Regency Press»), и «Особый вид службы» Джоан Кроуч («Alternative Publishing Cooperative Ltd. (APCOL)», Австралия). Что касается выдержек из австралийских СМИ «The Bulletin» и «The Truth», то все попытки связаться с правообладателями не увенчались успехом, поэтому «Hodder and Stoughton», а также автор были бы рады принести свою благодарность, если правообладатели сочтут нужным с ними связаться.

Благодарности

Написание этой книги потребовало проведения серьезной исследовательской работы, что было бы невозможно без великодушной помощи, оказанной самыми разными людьми. Во-первых, хочется поблагодарить лейтенанта Саймона Джонса за бесконечное терпение при объяснении всех подробностей жизни на борту авианосца, а также за блестящий совет, как вдохнуть жизнь в описанный мной корабль. Спасибо тебе, Саймон. Все остальные ошибки остаются исключительно на моей совести.

Огромная благодарность Королевскому военно-морскому флоту, в частности лейтенанту-командеру Иэну Макквину, лейтенанту Эндрю Дж. Линсли и экипажу авианосца «Инвинсибл» за разрешение побывать на борту корабля.

Я очень благодарна Нилу Маккарту из «Fan Publications» за разрешение воспроизвести отрывки из его великолепной и очень информативной книги «Авианосец „Викториес“». А также Лиаму Халлигану из редакции новостей Четвертого канала за то, что познакомил меня с блестящим фильмом Линдси Тейлора «Смерть в Гадани. Крушение „Канберры“».

Доступ к неопубликованным личным дневникам позволил мне проникнуться духом эпохи и колоритом того времени, когда меня еще не было на свете. В этой связи мне хочется поблагодарить Маргарет Стемпер за возможность ознакомиться с чудесным дневником ее мужа, где описана жизнь на море, и привести отрывки из этого дневника, а также Питера Р. Лоури за то, что любезно разрешил воспользоваться дневником отца, и конструктора кораблей Ричарда Лоури. Большая благодарность Кристоферу Ханту и персоналу читального зала Британского военного музея, а также сотрудникам отдела газет Британской библиотеки в Колиндейле.

Огромное спасибо маме и папе, Сэнди (Брайану Сандерсу), обладателю роскошной коллекции книг по военной тематике, Энн Миллер из «Arts Decoratifs», Кэти Рансиман, Руфь Рансиман, Джулии Кармайкл и сотрудникам «Harts» в Саффрон-Уолден. Спасибо Кэролин Мейс, Алексу Бонему, Эмме Лонгхёрст, Хейзел Орм и всем остальным в «Hodder and Stoughton» за помощь и поддержку. Также хочется сказать спасибо Шейле Кроули и Линде Шонесси из «AP Watt».

И конечно, самая глубокая благодарность Чарльзу за ценные советы и помощь в редактировании. Я оценила твою любовь, заботу о детях и умение выглядеть заинтересованным всякий раз, когда я рассказывала очередной факт об авианосцах.

Но самая большая благодарность моей обожаемой бабушке Бетти Макки, которая с верой и надеждой в душе совершила то самое путешествие и таким образом дала мне сюжет для этой книги. Думаю, дедушка мог бы мной гордиться.

В 1946 году Королевские ВМС приступили к завершающей фазе доставки военных невест – женщин и девушек, которые вышли замуж за английских военных, несущих службу в зарубежных странах. Некоторые были доставлены транспортом для перевозки войск или специальными лайнерами. Однако 2 июля 1946 года около 655 военных невест из Австралии предприняли уникальное морское путешествие: чтобы встретиться со своими британскими мужьями, они совершили плавание на борту авианосца «Викториес».

Во время этого путешествия, продолжавшегося почти шесть недель, их сопровождали 1100 военнослужащих и 19 самолетов. Самой юной невесте было пятнадцать. По крайней

мере одна из них успела овдоветь еще до прибытия в пункт назначения. Моя бабушка Бетти Макки оказалась в числе тех счастливиц, кого судьба щедро вознаградила за их подвиг.

И сей вымышленный отчет об этом путешествии я хочу посвятить своей бабушке и всем невестам, нашедшим в себе достаточно мужества, чтобы отправиться за своим счастьем на другой конец света.

Джоджо Мойес

Июль 2004 года

NB. Все выдержки подлинные, они описывают то, что пришлось пережить военным невестам и тем, кто служил на «Викториесе».

Когда я впервые увидела его много лет спустя, мне показалось, будто меня оглушили.

Я тысячу раз слышала это выражение, но только теперь поняла его истинное значение: моя память не сразу сумела отреагировать на то, что предстало перед моими глазами, и я испытала настоящий шок, словно меня действительно ударили по голове. Меня вовсе нельзя назвать трепетной. И я не выношу красивых слов. Но могу признаться честно, что я буквально задохнулась.

Ведь я не ожидала увидеть его вновь. Тем более в таком месте. Я давным-давно похоронила воспоминания о нем в самом нижнем ящике своей памяти. Причем не только его образ, но и то, что он значил для меня. А еще все то, через что он заставил меня пройти. И только по прошествии многих лет, а на самом деле вечности я смогла понять, что он для меня сделал. Так или иначе, с ним было связано все лучшее и все худшее, что со мной случилось в этой жизни.

Однако я испытала не только шок, но и неподдельную печаль. Мои воспоминания сохранили его таким, каким он был тогда – много-много лет назад. И вот теперь, увидев его в окружении всех этих людей, состарившегося и словно уменьшившегося в размерах... я не могла не подумать о том, что ему здесь не место. Я оплакивала того, который в свое время был прекрасным, величественным и безупречным, а теперь превратился в...

Даже и не знаю. Возможно, я не вполне справедлива. Ведь все течет, все изменяется. Разве нет? Если честно, встреча с ним стала очередным напоминанием о том, что я тоже не вечна. А еще о том, какой я когда-то была. И о том, какими мы все, должно быть, стали.

В любом случае я нашла его там, где раньше никогда не бывала и где, по идее, не должна была быть. Или, возможно, он нашел меня.

Наверное, до той самой минуты я не верила в судьбу. А зря. Ведь иначе невозможно даже себе представить, каким ветром нас обоих сюда занесло.

И иначе невозможно понять, как, несмотря на разделяющий нас бескрайний океан и континенты, нам довелось встретиться снова.

Индия, 2002 год

Ее разбудила громкая перепалка. Шумная, взрывная, визгливая – так лает чующая неладное маленькая собачонка. Старуха отвернулась от окна, потерла шею – холодный воздух от кондиционера пробирал буквально до костей – и попыталась выпрямиться. Со сна женщина не совсем хорошо понимала, где она находится и кто она такая. Сперва она уловила некую ритмическую гармонию голосов, а затем начала различать и слова, вернувшие ее из тяжелого забытья в реальность.

– Я не говорю, что не люблю дворцы. Или храмы. Я просто хочу сказать, что провела здесь вот уже две недели, а настоящей Индии так и не видела.

– Интересно, за кого ты меня принимаешь? За виртуального Санджая? – Его голос, донесшийся с переднего сиденья, звучал слегка насмешливо.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду.

– Я индеец. Рам тоже индеец. И хотя полжизни я провел в Англии, все равно остаюсь

индийцем.

– Ой, да брось, Джай! Ты совсем не типичный.

– Не типичный? По сравнению с кем?

– Ну, я не знаю. По сравнению с большинством людей, что здесь живут.

Молодой человек решительно покачал головой:

– Ты хочешь увидеть, как живут бедняки.

– Вовсе нет.

– Хочешь вернуться домой и рассказать своим друзьям обо всех ужасах, которые тебе довелось повидать. О том, что они даже понятия не имеют, что такое настоящие страдания. А от нас ты пока смогла получить только кока-колу и кондиционированный воздух.

После его слов раздался взрыв смеха. Старуха, прищурившись, посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Выходит, она проспала почти час.

Сидевшая рядом с ней внучка сунула голову в зазор между спинками передних сидений:

– Послушай, я хочу узнать, как здесь действительно живут люди. А если следовать исключительно путеводителям, то можно увидеть только роскошные дворцы или торговые центры.

– А тебе нужны трущобы.

– Мисс Дженнифер, могу пригласить вас к себе домой. Теперь это самая настоящая трущоба, – слышался с водительского сиденья голос мистера Вагхелы. А когда молодые люди проигнорировали его замечание, он добавил: – Приглядитесь получше к мистеру Раму Б. Вагхеле, и вы увидите перед собой абсолютно нищего и бесправного человека. Сам удивляюсь, как я сумел продержаться столько лет.

– Мы тоже. Каждый день удивляемся, – заметил Санджай.

Старуха выпрямилась и поймала свое отражение в зеркале заднего вида. Волосы с одного бока примялись, воротничок оставил на бледной коже багровую полосу.

– Ба, ты в порядке? – оглянулась Дженнифер. Джинсы у нее слегка сползли с бедер, демонстрируя всему свету крошечную татуировку.

– Прекрасно, дорогая. – Интересно, а Дженнифер говорила ей, что сделала татуировку? Она пригладила волосы, пытаясь вспомнить, но так и не смогла. – Дико извиняюсь. Я, кажется, задремала.

– Не стоит извинений, – сказал мистер Вагхела. – Мы, граждане в возрасте, должны иметь право на отдых, когда это нам необходимо.

– Рам, похоже, ты намекаешь на то, чтобы я сменил тебя за рулем, да? – спросил Санджай.

– Нет-нет, мистер Санджай, сэр! Не хотелось бы прерывать вашу увлекательную беседу.

Глаза стариков встретились в зеркале заднего вида. Он однозначно ей подмигнул, а она, еще плохо соображая со сна, заставила себя улыбнуться в ответ.

По ее прикидкам они были в дороге уже около трех часов. Их поездка в Гуджарат, идея которой возникла у них с Дженнифер в самую последнюю минуту, нарушив тщательно составленный график тура, началась как увлекательное приключение («Ба, родители моего приятеля из колледжа – Санджая – обещали приютить нас на пару ночей! У них там потрясающий дом, по типу дворца! Всего несколько часов езды!»), но обернулась самой настоящей катастрофой, поскольку из-за сложностей с расписанием полетов у них оставался всего один день на обратную дорогу в Бомбей, чтобы успеть на стыковочный рейс самолета, который должен был доставить их домой.

Изрядно утомленная путешествием, она совсем пала духом. Для нее Индия оказалась тяжелым испытанием, слишком сильной нагрузкой на нервную систему, даже с учетом кондиционированных автобусов и четырехзвездочных отелей, и мысль о поездке в Гуджарат, каким бы роскошным там ни был дом Сингхов, приводила ее в ужас. Но затем миссис Сингх предложила им свою машину с водителем, чтобы «дамы» успели на самолет домой. И это несмотря на то, что до аэропорта было добрых четыре сотни миль.

«Вы ведь не захотите болтаться на железнодорожных вокзалах, – заявила она, деликатно показав на золотистые волосы Дженнифер. – Тем более без сопровождающих».

«Я сам могу отвезти их», – запротестовал Санджай, но его мать прошептала что-то насчет страхового требования и лишения водительских прав, а потому сын согласился сопровождать мистера Вагхелу, дабы проследить, что все будет нормально, если их вдруг остановят. Вот такие дела. В свое время ее раздражало бытующее мнение, что путешествующие в одиночестве женщины не в состоянии сами о себе позаботиться. Но теперь она была даже признательна за такую старомодную любезность. Ей вовсе не улыбалось осваивать в одиночестве эту чужую местность, при этом постоянно беспокоясь о своей бесшабашной внучке, которой море по колено. Ей уже несколько раз хотелось предостеречь внучку, но она вовремя себя одергивала, понимая, что все ее аргументы будут невняты и неубедительны. И вообще, молодые имеют право ничего не бояться. Ведь в ее годы она была точно такой же!

– Мэм, вам удобно там, сзади?

– Я в порядке, спасибо, Санджай.

– Боюсь, нам еще ехать и ехать. Не самое легкое путешествие.

– Должно быть, тяжело столько сидеть, – пробормотал мистер Вагхела.

– Очень мило с вашей стороны, что вы нас взяли.

– Джай! Ты только посмотри!

Она увидела, что они свернули с оживленной трассы и попали в городские трущобы со множеством складских помещений, забитых пиломатериалами и стальными балками. Дорога, которая была огорожена забором, представлявшим собой хаотически наложенные друг на друга куски железа, оказалась сплошь в рытвинах и ухабах, так что даже мотороллеры и самые быстроходные транспортные средства тащились со скоростью не более пятнадцати миль в час. Черный «лексус» теперь полз в горку, его мотор недовольно ворчал, когда машине приходилось неожиданно огибать выбоины от копыт коров, целеустремленно бредущих, словно на зов сладкоголосых сирен, в каком-то только им одним известном направлении.

Но внимание Дженнифер привлекли отнюдь не коровы (на этих животных они уже успели насмотреться), а гора белых керамических раковин – сливные трубы торчали во все стороны, точно перерезанные пуповины. Неподалеку они увидели целую грудку матрасов, а рядом с ней – нечто напоминающее хирургические столы.

– Это с кораблей, – заметил мистер Вагхела, ни к кому собственно не обращаясь.

– Как вам кажется, мы сможем остановиться? – спросила она. – Где мы находимся?

Водитель ткнул корявым пальцем в лежавшую рядом карту:

– В Аланге.

– Только не здесь, – нахмурился Санджай. – По-моему, это не самое подходящее место.

– Дайте-ка посмотреть. – Дженнифер снова наклонилась вперед. – Наверное, нам стоит свернуть. Куда-нибудь, где будет... немного живописнее.

– Конечно, надо свернуть, – сказала старая женщина, разглядывая пыльную дорогу, на обочине которой сидели на корточках какие-то мужчины.

Но похоже, ее никто не слышал.

Старуха беспокойно поерзала на сиденье. Она отчаянно хотела пить и вытянуть ноги. А еще не отказалась бы сходить в уборную, но за короткое время, проведенное в Индии, она уже успела усвоить, что посещение туалета за пределами гостиницы – испытание не для слаонервных.

– У меня есть предложение, – заявил Санджай. – Давайте купим пару бутылок колы и остановимся где-нибудь за городом, чтобы размять ноги.

– Это что, типа, город на свалке? – Дженнифер сощурилась на кучу вышедших из употребления холодильников.

Санджай махнул рукой водителю:

– Рам, остановись у этого магазинчика. Рядом с храмом. Возьму каких-нибудь прохладительных напитков.

– Мы возьмем каких-нибудь прохладительных напитков, – отрезала Дженнифер. «Лексус» затормозил у обочины. – Ба, посидишь в машине, хорошо?

Не дожидаясь ответа, они оба выскочили из машины, впустив в искусственную прохладу салона волну раскаленного воздуха, и со смехом вошли в опаленный солнцем магазинчик.

Неподалеку расположилась еще одна группа мужчин. Они что-то пили из жестяных кружек, время от времени лениво и с удовольствием сплевывая. На «лексус» они смотрели с полнейшим равнодушием.

Она сидела в машине, чувствуя себя неудобно, слишком на виду, и прислушивалась к замирающему гулу мотора. За окном от земли поднималось жаркое марево.

Мистер Вагхела повернулся к ней с переднего сиденья:

– Мэм, разрешите поинтересоваться. А сколько вы платите своему водителю?

Он уже в третий раз спрашивал ее об этом, причем всегда в отсутствие Санджая.

– У меня его нет.

– Как?! И кто же вам тогда помогает?

– Ну, ко мне приходит одна девушка, – неуверенно ответила она. – Аннетт.

– А у нее есть своя квартира?

Она подумала об аккуратном домике Аннетт с геранью на подоконнике.

– Да, можно и так сказать.

– Оплачиваемый отпуск?

– Боюсь, что точно не знаю.

Она собралась было сформулировать их с Аннетт трудовые отношения, но мистер Вагхела ее перебил:

– Сорок лет я работаю на эту семью и в результате имею только одну оплачиваемую неделю отпуска раз в году. И я уже начинаю подумывать о том, чтобы организовать профсоюз, уаар^[1]. У моего двоюродного брата дома есть Интернет. И мы смотрим, как это работает. Дания. Хорошая страна для защиты прав трудящегося человека. – Он повернулся к ней спиной и кивнул: – Пенсия, больницы... образование... Нам всем следует работать в Дании.

Она на минуту притихла.

– Я там никогда не была, – наконец сказала она.

Старуха следила за молодыми людьми – ее белокурой головой и его темноволосой, –

входившими в придорожный магазинчик. Дженнифер говорила, что они просто друзья, хотя два дня назад бабушка слышала, как внучка крадется по выложенному кафельной плиткой коридору в комнату Санджая. На следующий день оба резвились как дети.

«Ты влюблена в него?» Этот осторожный вопрос, казалось, оскорбил Дженнифер до глубины души: «Боже мой, да ты что, бабуля! Я и Джай... Ой, нет... Мне не хочется никаких серьезных отношений. Он знает».

И она снова вспомнила себя в этом возрасте: охватывающий ее дикий ужас, когда она оказывалась единственной женщиной в мужской компании, мрачную решимость до конца жизни остаться одной, хотя и по совсем другой причине. А затем бросила взгляд вслед Санджаю, который, вопреки заверениям внучки, похоже, не совсем понимал положение дел.

– А вы знаете, что это за место? – Мистер Вагхела положил в рот очередную порцию бетеля. Его зубы стали красными.

Она молча покачала головой. Теперь, когда кондиционер не работал, температура в салоне машины медленно, но верно повышалась. Во рту пересохло, и она с трудом сглотнула. И она уже неоднократно говорила Дженнифер, что не любит колу.

– Аланг. Самое большое в мире кладбище старых кораблей.

– О... – Женщина постаралась выглядеть заинтересованной, хотя в действительности чувствовала себя смертельно уставшей и больше всего на свете хотела поскорее тронуться в путь.

Бомбейский отель, до которого еще ехать и ехать, казался ей оазисом в пустыне. Она посмотрела на часы. Неужели, чтобы купить две бутылки прохладительного, требуется целых двадцать минут?!

– Здесь четыреста верфей. А еще куча народу, способного за несколько месяцев разобрать корабль до последнего винтика.

– О...

– И знаете, абсолютно никакой защиты прав трудящихся. Они получают в день один фунт, рискуя жизнью и здоровьем за этот несчастный фунт.

– Неужели?

– Некоторые из самых больших кораблей мира закончили здесь свой век. Вы не поверите, что иногда оставляют хозяева на круизных судах! Обеденные сервизы, ирландский лен, музыкальные инструменты, которых хватило бы на целый оркестр. – Он вздохнул. – Иногда от всего этого становится по-настоящему грустно, уааг. Такие прекрасные корабли – и идут на металлолом!

Старуха наконец оторвала взгляд от двери магазина и попыталась изобразить некоторое подобие интереса. Молодые бывают такими легкомысленными! Она закрыла глаза. Всегда такая уравновешенная, сейчас она чувствовала, что усталость и жажда с каждой минутой все больше отравляют ей настроение.

– Говорят, что на дороге в Бхавнагар можно купить что угодно: стулья, телефоны, музыкальные инструменты. Там продают все, что можно найти на судне. Мой шури работает на одном из таких судоразделочных предприятий в Бхавнагаре, уааг. Он весь дом обставил вещами со старых кораблей. И теперь его дом стал похож на дворец. Можете себе представить? – Он поковырялся в зубах. – Все-все, что только можно оттуда снять. Хм. Не удивлюсь, если они продают барахло вместе с командой.

– Мистер Вагхела.

– Да, мэм?

– Это кафе?

Прервав свой монолог, мистер Вагхела посмотрел, куда она тычет пальцем. Перед магазинчиком на пыльной обочине были беспорядочно расставлены столики со стульями.

– Да, типа того.

– Тогда не могли бы вы оказать любезность проводить меня туда и заказать мне чашечку чая? Похоже, у меня больше нет сил ждать внучку.

– С превеликим удовольствием, мэм. – Он вылез из машины и распахнул перед ней дверь. – Ох уж эта молодежь, уааа! Никакого уважения к старшим. – А когда она с благодарностью оперлась на протянутую ей руку и, подслеповато щурясь от тусклых лучей солнца, вышла из машины, добавил: – Я слышал, что в Дании все по-другому.

Молодые люди вышли, когда она уже пила чашку того, что мистер Вагхела назвал «чаем по особому заказу». Чашка оказалась выщербленной, но на вид вполне чистой, а человек, который их обслуживал, устроил из чаепития целое шоу. Ей пришлось отвечать на непременные вопросы о своих путешествиях, хотя мистер Вагхела изо всех сил попытался заверить хозяина заведения, что она не знакома с кузеном последнего из Милтон-Кейнс. А затем, заплатив за стакан *chai*^[2] для мистера Вагхелы (и липкие засахаренные фисташки – для поддержания сил, ну, вы понимаете), она просто осталась сидеть под навесом, глядя на то, что, как она теперь знала, находилось за стальным забором: переливающееся бескрайнее синее море.

Неподалеку от них в тени дерева стоял небольшой индуистский храм, к которому с двух сторон притулились кособокие постройки, приспособленные для удовлетворения самых различных нужд работающих на разборке: палатка цирюльника, сигаретный киоск, лоток торговца яйцами и фруктами, еще один – с велосипедными запчастями. И только через несколько минут до нее дошло, что она здесь единственная женщина в поле зрения.

– А мы-то гадаем, куда вы подевались?

– Полагаю, что никуда особенно. Мы с мистером Вагхелой отошли всего на несколько ярдов. – Ее тон был немного резче, чем хотелось бы.

– Не уверен, что нам стоит здесь задерживаться, – с плохо скрытым раздражением сказал Санджай, бросив мрачный взгляд сперва в сторону группы мужчин, а затем – своей машины.

– Мне срочно надо было выйти, – отрезала она. – Мистер Вагхела любезно помог мне. – Она прихлебывала чай, оказавшийся на удивление вкусным. – Я нуждалась в передышке.

– Конечно-конечно. Я просто имел в виду, что хотел бы найти для вас нечто поживописнее, ведь сегодня последний день вашего отпуска.

– Меня все вполне устраивает. – Ей сразу полегчало, жару смягчал легкий бриз. После бесконечного наматывания мили за милей пыльной дороги безмятежные лазурные воды действовали успокаивающе. Где-то вдали слышалось позвякивание металла о металл и завывание отрезной машинки.

– Вау! Вы только посмотрите на эти корабли!

Дженнифер оживленно махала в сторону берега, где ее бабушка с трудом разглядела корпуса огромных судов, которые напоминали выброшенных на песок китов. Она слегка опустила веки, пожалев, что оставила в машине очки.

– Так это и есть судоразделочное предприятие, о котором вы говорили? – спросила она мистера Вагхелу.

– Четыре сотни судов, мэм. Покрывают все побережье. Растянулись на десять

километров, не меньше.

– Похоже на кладбище слонов, – заметила Дженнифер и несколько высокопарно добавила: – Куда приходят умирать корабли. Ба, хочешь, сбегая за твоими очками? – Она вдруг стала очень уступчивой и внимательной, словно таким образом извинялась за то, что слишком долго проторчала в магазине.

– Было бы очень мило с твоей стороны.

При иных обстоятельствах, впоследствии думала она, бескрайний песчаный берег вполне мог бы украсить туристический буклет. Здесь голубой небесный свод серебристой аркой встречался с горизонтом, а где-то вдали, за ее спиной, тянулась гряда синих гор. Однако, надев очки, она увидела, что песок посерел от ржавчины и машинного масла, а береговая полоса буквально испещрена островами судов, расположенными с промежутками в четверть мили, а также огромными искореженными кусками металла и демонтированными внутренностями погибших кораблей.

Недалеко от них у самой кромки воды, растянувшись цепочкой, сидела на корточках группа мужчин в выцветших сине-бело-серых спецовках. Они следили за тем, как от белого корпуса корабля, заякоренного в нескольких сотнях футов от берега, отделяется рубка и тяжело падает в море.

– Не совсем обычный аттракцион для туристов, – произнес Санджай.

Дженнифер, приложив козырьком руку к глазам, напряженно вглядывалась вдаль. Старуха смотрела на ее голые плечи и задавала себе вопрос: а не стоит ли посоветовать внучке прикрыться?

– Именно об этом я и говорила. Ну давай, Джай, пойдём посмотрим!

– Нет-нет, мисс. Не уверен, что это хорошая идея. – Мистер Вагхела наконец допил свой чай. – Судоразделочная верфь не самое подходящее место для дам. И вообще, вам надо получить разрешение от портовых служб.

– Рам, я только хочу посмотреть. И вовсе не собираюсь орудовать сварочной горелкой.

– Мне кажется, тебе стоит послушаться мистера Вагхелу, дорогая. – Она поставила чашку, прекрасно понимая, что их присутствие в придорожном кафе не осталось незамеченным. – Это рабочая зона.

– Но сейчас же уик-энд. И вряд ли ведутся какие-нибудь работы. Ну давай же, Джай! От них не убудет, если мы пять минут посмотрим.

– Там на воротах охрана, – попытался урезонить подругу Санджай.

Старуха понимала, что явное нежелание Санджая рисковать борется с желанием казаться в глазах Дженнифер ее защитником и рубахой-парнем.

– Дженнифер, дорогая... – начала она в надежде помочь Санджаю выйти из неловкого положения.

– Пять минут! – Дженнифер буквально подпрыгивала на месте от нетерпения. И в следующую секунду она уже оказалась на середине дороги.

– Я лучше пойду с ней, – сдался Санджай. – Заставлю ее оставаться в пределах видимости.

– Молодежь, – задумчиво жуя, произнес мистер Вагхела. – Они не понимают слова «нет».

Мимо них прогромыхал огромный грузовик, кузов был набит скрученными листами железа, за которые с риском для жизни цеплялись шесть-семь человек.

Когда грузовик проехал, она увидела, что Дженнифер разговаривает с охранником на

воротах. Девушка улыбалась и время от времени проводила рукой по белокурым волосам. Затем порылась в сумке и протянула ему бутылку колы. А когда Санджай наконец присоединился к ней, ворота уже открылись. И вот парочка пропала из виду, а через пару секунд она заметила на берегу их крошечные фигурки.

Прошло почти двадцать минут, прежде чем она или мистер Вагхела рискнули сказать, что они оба думают по этому поводу. Молодые люди явно куда-то запропастились, и вообще давно пора ехать дальше. И поэтому, пожалуй, надо пойти их поискать.

Чай вернул ее к жизни, и она постаралась подавить раздражение, вызванное эгоистичным, безрассудным поведением внучки. В то же время старуха понимала: подобная реакция отчасти объясняется страхом, что с девушкой, находившейся в данный момент под ее опекой, может случиться беда. Что она, старая и беспомощная, несет за внучку ответственность и здесь, в этом незнакомом, странном месте, совершенно не в состоянии контролировать ситуацию.

– Знаете, она ведь не носит часов.

– Думаю, нам следует за ними сходить, – сказал мистер Вагхела. – Наверняка они потеряли счет времени.

Она позволила ему отодвинуть стул и с благодарностью приняла его руку. Его рубашка на ощупь казалась пергаментной, словно была тысячу раз стирана-перестирана.

Он достал черный зонтик, которым пользовался время от времени, и раскрыл его у нее над головой. Чувствуя спиной взгляды мужчин на улице, а также пассажиров дребезжащих на ухабах автобусов, старуха старалась держаться поближе к мистеру Вагхеле.

У ворот произошла небольшая заминка. Мистер Вагхела что-то сказал охраннику, махнув рукой в сторону верфи. Речь его звучала весьма агрессивно и воинственно, словно охранник совершил преступление, пустив молодых людей внутрь.

Охранник что-то промямлил в ответ и открыл ворота.

Вопреки ее ожиданиям, вместо нормальных судов она увидела проржавевшие остовы старых посудин. По ним, словно муравьи, ползали крошечные человечки, они явно не замечали скрежета разрезаемого металла и пронзительного визга стальных резаков. Рабочие ловко орудовали сварочными горелками, молотками, гаечными ключами, заунывные звуки их разрушительной деятельности эхом разносились вокруг.

Корпуса кораблей, сидевших глубоко в воде, были обвязаны веревками, с них свисали до невозможности шаткие платформы, с помощью которых металл доставлялся на берег. Уже ближе к берегу старухе пришлось прикрыть лицо рукой, так как в нос шибанула вонь от свежих бытовых отходов и какой-то химии. На небольшом расстоянии от нее несколько костров отравляли ядовитым дымом прозрачный воздух.

– Пожалуйста, смотрите себе под ноги. – Мистер Вагхела ткнул пальцем в серый песок. – Не уверен, что это хорошее место. – Он явно сомневался в том, что поступил правильно, взяв ее с собой, а не оставив в кафе.

Но ей вовсе не улыбалось сидеть там в гордом одиночестве под взглядами незнакомых мужчин.

– Мистер Вагхела, ничего, если я буду за вас держаться?

– Полагаю, это было бы крайне желательно, – ответил он и, прищурившись, посмотрел вдаль.

Вокруг них на песке высились напоминавшие огромные турбины груды ржавых балок,

валялись смятые стальные листы. И все были обмотаны толстенными цепями, облепленными ракушками. Кое-где цепи просто лежали на песке спутанными кольцами, словно гигантские спящие змеи, рядом с которыми, точно пигмеи, копошились рабочие.

Дженнифер нигде не было видно.

Небольшая компания мужчин кучковалась на песке возле воды, кто-то держал в руках бинокли, кто-то прохладился возле своих велосипедов, и все как один смотрели в сторону моря. Еще крепче вцепившись в мистера Вагхелу, она остановилась, чтобы приспособиться к адской жаре. Затем они стали медленно спускаться к берегу, туда, где, оживленно переговариваясь, расхаживали взад-вперед какие-то мужчины в пыльных спецовках, с уюти-токи, а у ног родителей играли дети.

– Еще один корабль пришел, – показал пальцем мистер Вагхела.

Они смотрели, как несколько буксирных судов тащат старый танкер, который по мере приближения к берегу вырисовывался все отчетливее. Мимо с ревом пронесся японский внедорожник и резко затормозил в нескольких сотнях ярдов от них. И именно в этот момент они услышали сердитые голоса и, обогнув целую гору газовых баллонов, заметили в тени гигантского металлического корпуса небольшую толпу людей, в гуще которой явно шла какая-то разборка.

– Мэм, должно быть, нам следует пойти в ту сторону, – сказал мистер Вагхела.

Старуха кивнула. Она начала всерьез беспокоиться.

Мужчина, чей объемистый живот выделял его на фоне остальных даже больше, чем шикарная машина, подрядчик судоразделки, махал руками в сторону корабля, сопровождая свою негодующую речь брызгами слюны. Перед ним, в окружении толпы работяг, стоял Санджай. Он явно пытался урезонить мужчину и примирительно жестикулировал, держа руки ладонями вниз. Дженнифер, объект гнева подрядчика, приняла ту самую позу, которую ее бабушка хорошо запомнила еще с тех пор, когда девушка была подростком: бедро вызывающе выдвинуто вперед, руки скрещены на груди, голова надменно откинута.

– Можешь сказать ему, – периодически вмешивалась она в разговор, – что у меня и в мыслях не было что-то сделать с его треклятой посудинной. И вообще, просто смотреть законом не запрещено.

– Джен, в том-то и проблема, – повернулся к ней Санджай. – У нас существует закон, запрещающий смотреть. Когда ты нарушаешь границы чьей-либо собственности.

– Это берег! – заорала она на подрядчика. – Длинной десять километров. Где ходят тысячи треклятых людей. Ну, посмотрела я на несколько ржавых посудин. И что это меняет?

– Джен, пожалуйста...

Окружившие Санджая мужчины следили за происходящим с нескрываемым интересом. Радостно подталкивая друг друга локтем, они тыкали пальцем в надетые на Дженнифер джинсы и майку, некоторые из зевак сгибались под тяжестью кислородных баллонов у них на плечах. Они расступились перед старухой, и она уловила странное смешение запахов: острого пота, благовоний и чего-то очень едкого. И с трудом удержалась, чтобы не прикрыть рот рукой.

– Он думает, что Дженнифер из группы защитников окружающей среды и собирает против него какие-то доказательства, – объяснил Санджай.

– Но ведь и ежу понятно, что я только смотрю, – сказала Дженнифер. – У меня и камеры-то с собой нет, – произнесла она, обращаясь к своему обидчику.

– На самом деле ты делаешь только хуже, – одернул Дженнифер Санджай.

Старуха попыталась оценить, насколько опасен для них этот человек. Его жесты стали еще резче и драматичнее, лицо исказилось от ярости. Она с надеждой посмотрела на мистера Вагхелу, словно он был здесь единственным взрослым человеком.

Возможно, ему в голову пришла та же мысль, потому что он вдруг отодвинулся от нее, расправил плечи и протиснулся поближе к пузатому. Подошел к нему, протянул руку, и тому ничего не оставалось, как ответить рукопожатием.

– Сэр, я мистер Рам Б. Вагхела.

Мужчины начали быстро-быстро говорить на урду, причем тон мистера Вагхелы был поочередно то примирительным, то агрессивным.

Разговор, похоже, затягивался. И старуха, лишившись возможности опираться на руку мистера Вагхелы, чувствовала себя как-то не слишком устойчиво. Она огляделась по сторонам в надежде куда-нибудь присесть, затем слегка попятилась: ее смущали – и даже пугали – откровенно любопытные взгляды мужчин. Наконец она обнаружила стальную бочку и побрела в ту сторону.

Усевшись, она принялась наблюдать за тем, как мистер Вагхела и Санджай пытаются убедить пузатого в отсутствии у нежданных гостей тайных умыслов или скрытых коммерческих интересов. Время от времени мужчины махали в ее сторону рукой, а она тихонько сидела в тени зонта, прекрасно понимая, что ее присутствие – очень пожилой и явно хрупкой леди – может перетянуть чашу весов в их пользу. Внешне она казалась вполне кроткой, но внутри у нее все клокотало. Дженнифер, со своим упрямством, открыто проигнорировала желания остальных, а в результате остановка в пути растянулась по меньшей мере на час. Верфи – очень опасное место, твердил мистер Вагхела, когда они шли по песку. Причем не только для рабочих, но и для тех, кто, как считается, «мешает процессу». Имели даже место случаи конфискации собственности, нервно оглядываясь на машину, говорил мистер Вагхела.

И теперь она встала перед фактом, что придется проделать такой же путь по раскаленному песку, только уже назад, а еще, вероятно, и заплатить всем этим людям, что пробьет очередную брешь в их изрядно оскудевшем за время поездки бюджете.

– Глупая, легкомысленная девчонка, – пробормотала она.

Чтобы хоть немного успокоиться, она направилась к видневшемуся поблизости кораблю, подальше от своей безответственной внучки и мужчин с абсолютно пустыми глазами. Зонтик она опустила пониже и, вздымая клубы песчаной пыли, пошла в сторону моря. Корабль уже был частично разобран, а задняя часть и вовсе отсутствовала, точно чья-то гигантская рука разломала судно пополам и убрала корму. Она подняла зонтик повыше, чтобы приглядеться повнимательнее. С такого расстояния рассмотреть корабль более детально не представлялось возможным, но она заметила показавшиеся до боли знакомыми две орудийные башни, которые еще ждали своего часа. Слегка нахмурившись, она смотрела на облупившуюся светло-серую краску. Этот цвет можно было увидеть только на британских военных кораблях. Спустя минуту она опустила зонтик, сделала несколько шагов назад и, на время забыв о затекшей шее, еще раз взглянула на возвышавшийся над ней корпус.

Поднесла руку к глазам, чтобы защититься от слепящего солнца, и наконец прочла на борту то, что осталось от названия судна.

И когда она сумела разобрать последние буквы, возбужденные голоса неожиданно смолкли, и, несмотря на полуденный индийский зной, старуху, стоящую перед кораблем,

вдруг объял пронизывающий холод.

Подрядчика, мистера Бхаттачарью, так и не удалось убедить. Несмотря на его растущую враждебность, усиливающийся ропот толпы и то крайне досадное обстоятельство, что они уже на целый час выбились из расписания, молодые люди продолжали спорить. Мистер Вагхела вытирал лоб платком. Мисс Дженнифер сердито ковыряла ногой песок, на ее лице застыло выражение угрюмого смирения. Мистер Санджай был весь красный от едва сдерживаемого раздражения, ему явно до смерти надоел весь этот бессмысленный спор. Время от времени он бросал на мисс Дженнифер недовольные взгляды. Похоже, она успела его изрядно утомить.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы ты вместо меня излагал мои доводы. Хорошо?

– Мисс Дженнифер, я, конечно, извиняюсь, но не уверен, что ваше знание урду позволит вам выполнить поставленную задачу, – похлопал девушку по руке мистер Вагхела.

– Он понимает английский. Я слышала.

– Что там говорит эта девица? – Мистера Бхаттачарью явно оскорбляла ее не слишком пристойная манера одеваться.

Вообще-то, как подозревал мистер Вагхела, в глубине души подрядчик понимал необоснованность своих претензий, но накрутил себя до такого состояния, что остановиться уже просто не мог. На своем жизненном пути мистер Вагхела не раз встречал подобных людей.

– Мне не нравится, как он со мной разговаривает.

– Но ведь ты даже не знаешь, что именно он говорит! – подошел к девушке мистер Санджай. – Джен, ты делаешь только хуже. Возвращайся к машине и возьми с собой бабушку. Мы сами разберемся.

– Не смей указывать, что мне делать!

– Куда это она направляется? Куда они направляются? – Мистер Бхаттачарья смотрел на Санджая налитыми кровью глазами.

– Сэр, полагаю, будет лучше, если девушка покинет верфь. Мой друг как раз уговаривает ее сделать это.

– Я не нуждаюсь в... – начала мисс Дженнифер и неожиданно остановилась.

Над толпой повисла тишина, и мистер Вагхела, который уже перегрелся на солнце, увидел, что все смотрят на то место, куда падала тень от корпуса соседнего судна.

– Что случилось со старой леди? – спросил мистер Бхаттачарья.

Старуха сидела, бессильно подавшись вперед, лицо она закрывала рукой. Ее седые волосы казались серебряными.

– Ба?! – кинулась к ней девушка.

Когда старуха подняла голову, мистер Вагхела вздохнул с облегчением. Он вынужден был признать, что его немного напугала ее поза.

– С тобой все в порядке?

– Да. Да, дорогая.

Слова автоматически вылетают из ее рта, подумал мистер Вагхела. Точно против ее воли.

Сразу забыв о мистере Бхаттачарье, они с Санджаем присели перед ней на корточки.

– Осмелюсь заметить, вы выглядите очень бледной, мамаджи^[3].

Он заметил, что она держится рукой за корпус корабля. Забавный жест. Именно потому

она и сидела в такой нелепой позе.

Подрядчик уже был рядом с ними, он вытирал свои дорогие туфли из крокодиловой кожи о низ штанин. Затем что-то пробормотал, обращаясь к мистеру Вагхеле.

– Он интересуется, не хотите ли вы пить, – сказал ей мистер Вагхела. – Говорит, в офисе есть вода со льдом.

– Не хочу, чтобы у нее случился сердечный приступ на моей верфи, – продолжал говорить мистер Бхаттачарья. – Дайте ей воды, а потом, пожалуйста, уведите ее отсюда.

– Не желаете ли воды со льдом?

Казалось, она наконец выпрямится, но она лишь слабо махнула рукой:

– Очень любезно с вашей стороны. Но я просто посижу минутку.

– Ба, что случилось? – Дженнифер опустилась перед бабушкой на колени, глаза ее расширились от волнения.

Вся воинственность девушки словно испарилась на жаре.

Стоявшие сзади молодые мужчины перешептывались и пихали друг друга в бок, понимая, что у них на глазах разыгрывается какая-то непонятная им драма.

– Джен, пожалуйста, попроси их уйти, – прошептала старуха. – Я серьезно. Мне сразу станет лучше, если я останусь одна.

– Это из-за меня? Ба, прости. Я знаю, что уже вас заколебала. Но мне страшно не понравилось, как он со мной разговаривал. Понимаешь, все потому, что я девушка. И это меня жутко бесит.

– Ты здесь ни при чем...

– Прости. Мне следовало быть более внимательной. Послушай, давай вернемся к машине.

Мистеру Вагхеле доставило большое удовольствие услышать ее извинения. Приятно знать, что молодые люди еще способны признавать свое безответственное поведение. Ей не следовало заставлять старую леди идти так далеко по такой жаре и тем более в таком месте. Это говорит о недостаточном уважении.

– Дженнифер, дело не в тебе. – В голосе старухи чувствовался надрыв. – Это корабль, – прошептала она.

Теряясь в догадках, они проследили направление ее взгляда и увидели махину из светло-серого металла с огромными ржавыми заклепками по бокам.

Молодые люди обменялись удивленными взглядами, затем посмотрели на старую леди, которая вдруг показалась им ужасно хрупкой.

– Ба, ведь это просто корабль, – сказала Дженнифер.

– Нет, – ответила она, и мистер Вагхела заметил, что ее лицо лишилось красок, совсем как металлическая обшивка корабля. – Вот здесь ты сильно ошибаешься.

Не так часто, по возвращении домой сказал своей жене мистер Рам Б. Вагхела, можно видеть, как плачут старые леди. Эти британцы оказались менее сдержанны в проявлении чувств, чем я ожидал, и вовсе они не такие напыщенные и чопорные. Жена, к его неудовольствию, только закатила глаза, словно ей было лень найти достойный ответ на его замечание. Он вспомнил, как горевала старуха, когда они вели ее к машине, и как она всю дорогу до самого Мумбаи^[4] просидела молча. Она была похожа на человека, встретившегося лицом к лицу со смертью.

Да, эта английская леди изрядно удивила его. Он явно в ней ошибся.

И он ни минуты не сомневался, что в Дании они совсем другие.

Деньги – мусор! На последних торгах в Сиднее отборные бараны шли по цене 19 шиллингов 11 пенсов за фунт, причем для Австралии это самая высокая цена, о которой я слышал. Процентное отношение шкур не слишком велико, примерно пять на один фунт, и четыре шиллинга за шкуру уже можно считать хорошей прибылью.

Человек на земле.

Бюллетень (Австралия). 10 июля 1946 года

Австралия, 1946 год

За четыре недели до посадки

Летти Макхью остановила пикап, вытерла несуществующую копоть под глазами и мысленно заметила, что женщину «с красивыми чертами лица», как отозвалась о ней продавщица, вишневая помада не слишком изменит. Она резким движением вытерла рот, чувствуя себя глупо из-за того, что вообще купила эту дурацкую помаду. Но уже через минуту порылась в сумочке и, глядя в зеркало заднего вида, снова накрасила губы.

Расправила блузку, подняла письма, которые еженедельно забирала на почте, и бросила взгляд через лобовое стекло на унылую мокрядь вокруг. Дождь, похоже, зарядил всерьез и надолго, переждать не удастся. Тогда она прикрыла голову и плечи брезентом и, судорожно вздохнув, выскользнула из грузовичка и побежала к дому.

– Маргарет? Мэгги?

Затянутая сеткой дверь с шумом захлопнулась у нее за спиной, заглушив шум потопа за окном, но звук собственного голоса и стук каблуков выходных туфель по дощатому полу эхом вернулись к ней. Летти проверила сумочку, вытерла ноги и вошла в кухню, на всякий случай крикнув еще пару раз, хотя уже и начала подозревать, что дома никого нет.

– Мэгги? Ты там?

Кухня оказалась пустой – такой, как после ухода Норин теперь была всегда. Положив сумочку и письма на обшарпанный деревянный стол, Летти подошла к плите, где на медленном огне томилось рагу. Подняла крышку и принялась. Затем залезла в буфет, воровато добавила щепотку соли, немного тмина и кукурузной муки, помешала и опустила крышку.

Она подошла к аптечному шкафчику с выщербленным зеркалом и попыталась пригладить волосы, которые от влажного воздуха завились мелкими кудряшками. Разглядеть все лицо целиком ей не удалось. Уж в чем в чем, а в тщеславии семью Донливи обвинить было нельзя, это точно.

Летти снова потеряла губы, затем вернулась на кухню, взглянув на нее глазами стороннего наблюдателя. Она изучила линолеум – потрескавшийся, с вьезшейся деревенской грязью. Сколько она ни подметала, сколько ни мыла – все без толку. Сестра планировала

заменить линолеум, даже показывала образец, который понравился ей в каталоге, присланном аж из Перта. Летти посмотрела на выцветшую краску, на календарь, где были отмечены исключительно сельскохозяйственные мероприятия: приезд ветеринаров, покупателей или продавцов зерна, – на расставленные вокруг плиты корзинки с вонючими одеялами, где спали собаки, на пачку стирального порошка «Блюо» для мужских рубашек, кристаллы которого были рассыпаны по белесой рабочей поверхности. Единственным признаком присутствия в доме женщины было наличие журнала «Гламур» с анонсом нового романа Дафны Дюморье и статьей под названием «Вышли бы вы замуж за иностранца?». Она заметила, что страницы уже изрядно засалены, а углы обтрепаны.

– Маргарет?

Летти посмотрела на часы: мужчины с минуты на минуту должны были вернуться на ланч. Она подошла к вешалке возле задней двери и сняла старую пастушью куртку, поморщившись от запаха дегтя и мокрой собачьей шерсти, которые теперь точно пропитают ее одежду.

Дождь зарядил с такой силой, что кое-где во дворе образовались небольшие речушки. Вода в дренажных канавах протестующе булькала, а цыплята, нахохлившись, сбились в кучку под кустами. Мысленно отругав себя за то, что не надела резиновые сапоги, Летти выскочила во двор и побежала к амбару. А там, как и ожидала, увидела скачущую кругами по загону лошадь, а на ней – нечто напоминающее огромный пакет из коричневой промасленной бумаги, лицо было закрыто широкополой шляпой, блестящей от струек дождя.

– Маргарет!

Летти стояла под навесом и, пытаясь перекричать шум дождя, неуверенно махала рукой.

Лошадь явно была сыта по горло. Прижав хвост к мокрому крупу, она пятилась от ограды и время от времени отчаянно взбрыкивала, тогда как наездница, терпеливо поворачивая ее, заставляла усердно повторять все сначала.

– Мэгги!

Лошадь неожиданно встала на дыбы, и у Летти екнуло сердце, а рука непроизвольно зажала рот. Но наездницу оказалось не так-то легко выбить из седла, она только слегка пришпорила лошадь, бормоча что-то сквозь зубы, – возможно, пыталась увещевать упрямое животное, а возможно, и нет.

– Мэгги, ради всего святого! Не могла бы ты подъехать поближе?

Поля шляпы слегка приподнялись, в приветственном жесте взметнулась рука. Лошадь развернулась и, понурившись, побрела к воротам.

– Летти, ты здесь давно? – спросила Мэгги.

– Девочка моя, ты что, совсем рехнулась?! Ты соображаешь, что делаешь? – Она увидела, что племянница широко улыбается из-под полей шляпы.

– Да так, объезжаю понемножку. Папа слишком большой для нее, мальчикам с ней не справиться, значит остаюсь только я. Старушка с норовом, а?

Летти в сердцах покачала головой и сделала знак Маргарет слезть с лошади.

– Боже мой, детка! Может, тебе помочь?

– Ха! Нет, я справлюсь. А что, скоро ланч? Мясо я уже поставила тушиться, но не знаю, когда вернутся мужчины. Они перегоняют телят к Йаррава-крик и могут проторчать там весь день.

– Вряд ли они задержатся в такую погоду, – ответила Летти, когда Маргарет неуклюже слезла с лошади и тяжело приземлилась на ноги. – Если они, конечно, не такие же чокнутые,

как и ты.

– А, не бухти! На самом деле она лучше, чем кажется.

– Ты насквозь промокла. Только посмотри на себя! И как тебе только в голову взбрело ездить верхом под дождем?! Господи помилуй, Мэгги, сомневаюсь, отдаешь ли ты себе отчет в том, что делаешь... Что бы сказала твоя дорогая матушка... один только Бог ведает.

И обе сразу притихли.

– Знаю... – Маргарет сморщила нос и принялась расстегивать подпругу.

Летти забеспокоилась, не перегнула ли она палку. Она замялась, с трудом удержавшись от слов извинения, готовых слететь с губ.

– Я не имела в виду...

– Забудь. Летти, ты абсолютно права, – сказала девушка, зажав под мышкой седло. – Она не стала бы заставлять кобылу наматывать круги, а просто надела бы на нее балансирующий повод, и дело с концом.

Мужчины вернулись около часа дня, стремительно побросали мокрые галоши и шляпы в кучу, куртки стащили прямо в дверях. Маргарет накрыла на стол и теперь подавала дымящиеся миски с тушеной говядиной.

– Колм, смотри, сколько грязи ты натащил на каблуках, – сказала Летти, и молодой человек, решив не тратить время на то, чтобы вытереть сапоги, послушно стянул их и швырнул на ковер.

– А хлеб нам дадут?

– Наберитесь терпения, мальчики. У меня только две руки.

– Мэгги, твоя собака спит в папиной старой шляпе, – ухмыльнулся Дэниел. – Папа говорит, что если подцепит блох, то пристрелит ее.

– Ничего я такого не говорил, дурачок. Как поживаешь, Летти? Ездила вчера в город?

Марри Донливи, высокий и угловатый, с бледно-голубыми глазами на веснушчатом лице, что явственно свидетельствовало о его кельтских корнях, сел во главе стола и с ходу принялся за кусок хлеба, который отрезала для него свояченица.

– Ездила, Марри.

– Для нас какая-нибудь почта была?

– Принесу, когда поешь.

В противном случае письма будут непременно закапаны соусом и захватаны жирными пальцами. Хотя Норин всегда было наплевать.

Маргарет уже успела поесть и теперь сидела в мягком кресле возле кухонного шкафа, поставив ноги в носках на скамеечку. Летти с чувством внутреннего удовлетворения смотрела, как сосредоточенно едят мужчины. В наши дни не так уж много семей могут собрать за одним столом сразу пять представителей сильного пола, и это притом что трое отслужили в армии. Когда Марри попросил Дэниела, младшенького, передать ему еще хлеба, Летти уловила едва заметный ирландский акцент, с которым он в свое время прибыл в страну. Ее сестра любила добродушно подтрунивать над ним. «Тот самый! – говаривала она, пытаясь подражать акценту мужа. – Боевого задора в нем на сотню ирландцев».

Да, за этим столом явно кого-то не хватало. Летти вздохнула, пытаясь отогнать мысли о Норин, что она делала бесчисленное число раз в течение дня. И жизнерадостно сказала:

– Представляете, жена Альфа Петтита купила один из этих новомодных холодильников «Дефендер». Там четыре ящика, он сам делает лед и практически не издает шума.

– В отличие от жены Альфа Петтита, – вставил Марри. Он уже выгацил последний выпуск «Бюллетеня» и углубился в чтение своей любимой рубрики «Человек на земле». – Хм. Пишут, что на молочных фермах становится все грязнее, потому что женщины уезжают.

– Они, очевидно, никогда не бывали в комнате Мэгги.

– Это ты приготовила? – Марри оторвался от газеты и ткнул пальцем практически в пустую миску.

– Нет, Мэгги, – ответила Летти.

– Вкусно. Лучше, чем в прошлый раз.

– Даже не знаю почему, – сказала Маргарет, она поднесла руку к глазам, пытаясь найти занозу. – Я ничего нового не добавляла.

– В «Одеоне» показывают хорошую картину, – поспешила сменить тему Летти и тем самым привлекла к себе внимание остальных.

Она знала, что мужчины делают вид, что их вовсе не интересуют обрывки сплетен, которые она дважды в неделю привозила на ферму, ведь сплетни – это бабское дело, но время от времени маска безразличия с парней все же слетала. Она прислонилась к раковине, скрестив руки на груди.

– Ну?

– Это фильм о войне. Грир Гарсон и Тайрон Пауэр. Забыла название. Что-то такое с «навсегда».

– Надеюсь, там покажут военные самолеты. Американские. – Дэниел посмотрел на братьев, явно ища их одобрения, но они были всецело поглощены едой и даже не подняли головы.

– А скажи, коротышка, как ты собираешься добираться до Вудсайда. Надеюсь, ты не забыл, что сломал велосипед? – пихнул его в плечо Лиам.

– Так или иначе, не поедет же он туда один на велосипеде, – заметил Марри.

– Кто-нибудь из вас может отвезти меня туда на грузовике. Да ладно вам! Так и быть, заплачу за ваше мороженое.

– Сколько кроликов ты продал на этой неделе?

Дэниел имел небольшой приработок: он свеживал кроликов и продавал шкурки. И совершенно необъяснимым образом цена качественных шкурок поднялась с одного пенни до нескольких шиллингов, что вызывало некоторую долю зависти к неожиданно свалившемуся на младшего брата богатству.

– Только четыре.

– Что ж, тоже неплохо.

– Ой, Марри, Бетти просила передать тебе, что их хорошая кобыла наконец-то жерёбая. Если тебя это все еще интересует.

– Та самая, которую спаривали с Колдуном?

– Думаю, да.

Марри бросил взгляд на старшего сына:

– Колм, наверное, стоит заскочить туда в конце недели. Хорошая лошадь в хозяйстве не помешает.

– Кстати... – сделав глубокий вдох, начала Летти. – Сегодня я видела, как Маргарет объезжала твою норовистую молодую кобылу. Не уверена, что Мэгги стоит ездить верхом. Это... небезопасно.

– Летти, она взрослая женщина, – не отрывая глаз от миски, произнес Марри. – Очень

скоро мы вообще не сможем учить ее жить.

– Летти, зря ты так кипятишься. Я знаю, что делаю.

– Кобыла на вид весьма злобная. – Летти принялась за мытье посуды, чувствуя себя немного сбитой с толку. – Я просто хочу сказать, что, по-моему, Норин этого не одобрила бы. Только не в ее... положении...

При упоминании имени ее сестры на кухне повисла напряженная тишина.

Марри отпихнул пустую миску к центру стола:

– Летти, очень благородно с твоей стороны, что ты переживаешь за нас. Не думай, что мы этого не ценим.

Даже если мальчики и заметили взгляд, которым обменялись оба «старика», как они про себя называли их, а также легкий румянец, неожиданно появившийся на щеках тети Летти, то оставили свое мнение при себе. Точно так же, как в свое время промолчали, обнаружив, что для визита к ним она вдруг стала надевать свою лучшую юбку. Или что в свои сорок с хвостиком вдруг начала делать перманент.

Тем временем Маргарет поднялась с кресла и принялась лениво просматривать лежавшие на буфете рядом с сумочкой Летти письма.

– Черт побери! – воскликнула она.

– Маргарет!

– Прости, Летти. Посмотри! Папа, ты только посмотри! Это мне. Со штампом военно-морского флота!

Отец кивком велел ей дать ему письмо. Повертел конверт в мозолистых руках, обратив внимание на официальный штамп и адрес отправителя.

– Хочешь, чтобы я открыл?

– Значит, он не погиб, да?! – воскликнул Дэниел, за что с ходу получил от Колма увесистую оплеуху.

– Не старайся быть еще большим придурком, чем кажешься!

– Ты ведь не думаешь, что он погиб, да? – Маргарет с трудом устояла на ногах, ее румяное лицо сразу потеряло все краски.

– Конечно не погиб, – ответил отец. – А иначе тебя известили бы телеграммой.

– Может, они хотели сэкономить на почтовых расходах, но... – Дэниел с трудом увернулся от энергичного пинка старшего брата.

– Я хотела подождать, пока все не поедят, – вставила Летти, но ее слова повисли в воздухе.

– Ну давай же, Мэг! Чего тянешь?

– Не знаю, – проронила девушка, явно терзаясь сомнениями.

– Да ладно тебе, мы ведь с тобой. – Отец ласково погладил ее по спине.

Она посмотрела на него, потом – на письмо, которое уже держала в руках.

Братья вскочили на ноги и окружили ее плотным кольцом. Летти, так и оставшаяся стоять у раковины, внезапно почувствовала себя лишней. Чтобы скрыть замешательство, она с удвоенным рвением принялась отскребать кастрюлю, ее крупные пальцы покраснели от горячей воды.

Маргарет вскрыла конверт и едва слышно – эта привычка сохранилась у нее с детских лет – принялась читать письмо. Затем Мэгги коротко вскрикнула, и Летти, резко обернувшись, увидела, что девушка тяжело осела на стул, услужливо придвинутый одним из братьев. Она потрясенно смотрела на отца.

– Ты в порядке, моя девочка? – Его лицо сморщилось от волнения.

– Папа, я еду, – прохрипела она.

– Что?! В Ирландию? – схватив письмо, спросил Дэниел.

– Нет. В Англию. Меня берут на борт корабля. Боже мой, папа!

– Маргарет! – предостерегающе воскликнула Летти, но ее никто не слушал.

– Мэг едет в Англию! – Старший брат уже прочел письмо. – Действительно едет! Они смогли найти ей место на корабле!

– Эй, чего раскричался? Уймись! – беззлобно одернула его Маргарет.

– «В связи с изменением статуса другой „военной невесты“ мы можем предложить вам место на борту...» Как это пишется? «Мы отплываем из Сиднея»... Бла-бла-бла...

– Изменение статуса? Интересно, что случилось с той бедняжкой? – фыркнул Нил.

– Вполне возможно, что ее муж уже успел снова жениться. Такое случается.

– Летти! – возмутился Марри.

– Ну, это чистая правда. Все в жизни бывает. Почитай газеты. Я слыхала о девушках, которые добрались аж до самой Америки, а там им оказались вовсе не рады. Некоторые даже с... – начала она, но сразу прикусила язык.

– Джо другой, – отрезал Марри. – Мы все знаем, что он не из таковских.

– А кроме того, – жизнерадостно начал Колм, – когда он женился на Мэг, я предупредил его, что, если он ее бросит, я обязательно найду его и убью.

– И ты тоже? – удивился Нил.

– Господи! – перекрестилась Маргарет, проигнорировав стоявшую с покаянным видом тетю. – Вы мне вздохнуть спокойно не даете. Удивляюсь, что он вообще здесь задержался.

Но когда до присутствующих наконец дошел смысл полученного письма, на кухне стало тихо. Маргарет крепко сжала руку отца, тогда как остальные делали вид, будто ничего не замечают.

– Кто-нибудь хочет чая? – спросила Летти.

У нее в горле застрял ком. Она уже мысленно представляла себе кухню без Маргарет. В ответ она услышала очень невнятное выражение согласия.

– Но учти, нет никакой гарантии, что ты получишь каюту, – заметил Нил, продолжая читать письмо.

– Они могут поместить ее вместе с багажом, – предположил Лиам. – Такой толстокожей все нипочем!

– Что, прямо вот так? – поинтересовался Дэниел, который, как заметила Летти, был потрясен до глубины души. – Я хочу сказать, ты что, прямо вот так возьмешь и уедешь в Англию?

– Да, вот так, – спокойно ответила Маргарет.

– А как же мы? – спросил Дэниел, и голос его вдруг сорвался, словно он так и не смог воспринять всерьез замужество сестры и возможные последствия этого события. – Мы не можем одновременно потерять и маму, и Мэг! И что нам тогда делать?!

Летти собралась было принять участие в разговоре, но слова вдруг застряли у нее в горле.

А за столом молча сидел Марри, его рука сплелась с рукой дочери.

– Мы, сынок, будем радоваться, – наконец произнес он.

– Что?!

Марри ободряюще улыбнулся дочери, хотя Летти не поверила в искренность этой

улыбки.

– Мы будем радоваться, потому что рядом с Маргарет будет хороший человек. Человек, сражавшийся за свою страну и за нашу тоже. Человек, который вполне заслуживает нашу Маргарет, впрочем, как и она его.

– Ой, папа, – потеряла глаза Маргарет.

– И что самое важное. – Голос Марри окреп и зазвучал громко, словно пресекая все возражения. – Мы должны радоваться вдвойне, потому что дед Джо был ирландцем. А это значит... – он положил тяжелую руку на округлившийся живот дочери, – что малышу суждено попасть, да будет на то воля Господа, в рай земной.

– О Марри, – прижав руку ко рту, прошептала Летти.

– Мужайтесь, ребята, – пробормотал Колм, натягивая сапоги. – Нас ожидает вечер в духе «Danny Boy»^[5].

У них уже некуда было вешать выстиранную одежду. Сушилка в доме была загружена настолько, что того и гляди обвалится потолок, мокрое белье свисало со всех крючков и веревок, болталось на плечиках, прицепленных к дверям, лежало на полотенцах на всех рабочих поверхностях. Маргарет выудила из ведра очередную сырую нижнюю рубашку и протянула тете, а та заправила подогнутый край в каток для глажки белья и начала крутить ручку.

– Это все потому, что вчера ничего не высохло, – сказала Маргарет. – Я не успела вовремя снять белье с веревки, вот оно снова и намокло, а у меня его еще куча.

– Мэгги, почему бы тебе не присесть? – предложила Летти. – В ногах правды нет. И вообще, дай им отдохнуть минутку-другую.

Маргарет с благодарностью опустила на стул, что стоял в прачечной, и ласково погладила примостившегося рядом терьера.

– Я, конечно, могу повесить что-то в ванной, но папа будет ругаться.

– Понимаешь, ты должна больше отдыхать. При таком сроке большинство женщин стараются держать ноги повыше.

– Ай, мне еще носить и носить, – отозвалась Маргарет.

– По моим прикидкам меньше двенадцати недель.

– Вот африканские женщины котятся прямо под кустом и идут себе дальше работать.

– Ты не африканка. И я сильно сомневаюсь, что здесь уместно слово «котятся», словно это... – Летти понимала, что не может рассуждать о деторождении, поскольку ничего в этом не смыслит.

Она молча занималась бельем, а дождь все барабанил по жестяной крыше, и из открытого окна в прачечную проникали сладкие запахи мокрой земли. Допотопный каток надрывно скрипел, неохотно возвращаясь к жизни.

– Дэниел воспринял новость хуже, чем я ожидала, – как бы между прочим заметила Маргарет.

Летти, кряхтя, продолжала крутить ручку.

– Он еще слишком молод. И здорово натерпелся за последнюю парочку лет.

– Но он жутко зол на меня. Уж чего-чего, а этого я от него не ожидала.

– Полагаю, он разочарован. Потерять и мать, и тебя... – замявшись, произнесла Летти.

– Я же не специально. – Маргарет вспомнила о внезапной вспышке его гнева, когда он бросал ей в лицо такие обидные слова, как «эгоистичная» и «злая», до тех пор, пока отец с

помощью подзатыльника не прервал его обличительную речь.

– Понимаю. – Летти оставила ручку и выпрямилась. – И они тоже понимают. Даже Дэниел.

– Но когда мы с Джо поженились, знаешь, у меня и в мыслях не было оставить папу и мальчиков. И вообще, мне казалось, что им все равно.

– Ну конечно, им не все равно. Они тебя любят.

– Я же не возражала, когда Нил уходил.

– Он уходил на войну. И ты понимаешь, что выбирать не приходилось.

– Но кто теперь за ними присмотрит? Если очень приспичит, папа погладит рубашку и вымоет посуду, но вот приготовить обед никто из них точно не сможет. И простыни не будут менять до тех пор, пока они не станут такими заскорузлыми, что своим ходом отправятся в корзину для грязного белья.

Маргарет говорила и говорила, а потом и сама начала верить в то, что на ней держится весь дом, заботу о котором она со скрытым негодованием взвалила на свои плечи два года назад. Ей и в страшном сне не могло присниться, что когда-нибудь придется заниматься стряпней и уборкой. Даже Джо все прекрасно понял, когда она призналась ему, что в этом деле она безнадежна, но, что самое главное, не горит желанием исправлять ситуацию. И вот теперь, вынужденная каждый день часами обслуживать братьев, с которыми когда-то была на равных, она чувствовала, как в ее сердце борются между собой печаль, раскаяние и молчаливая ярость.

– Летти, у меня так тяжело на душе. Ведь я и вправду считаю, что им не справиться без... ну, женщины в доме.

В прачечной повисло тягостное молчание. Собака заскулила во сне, перебирая лапами, будто она за кем-то гналась.

– Уверена, они могут пригласить кого-нибудь в качестве домоправительницы, – нарушила тишину Летти, но голос ее прозвучал как-то слишком уж беззаботно.

– Папа не захочет за это платить. Тебе ведь известно, какой он экономный. И, кроме того, не уверена, что они потерпят чужого человека на кухне. Ты же их знаешь. – Маргарет покосилась на тетю. – А с тех пор как Нил вернулся из армии, он вообще не желает ни с кем знакомиться... Ой, даже и не знаю...

А на улице дождь постепенно ослабевал и теперь не так сильно стучал по крыше, на востоке между свинцовыми тучами начало проглядывать голубое небо. Женщины замолчали, задумчиво уставившись в окно.

Не дождавшись ответа, Маргарет заговорила снова:

– На самом деле я все думаю, а стоит ли мне вообще уезжать. Я хочу сказать, какой смысл отправляться в такую даль, если я постоянно буду беспокоиться о семье? – Она вопросительно посмотрела на тетю и, не дождавшись ответа, продолжила: – Потому что я...

– Думаю, – подала голос Летти, – я могу им помочь.

– Что?

– Не надо говорить «что», дорогая. Если ты действительно так за них переживаешь, – ровным тоном произнесла Летти. – Я смогу приезжать почти каждый день. Просто чтобы помогать по мере сил.

– Ой, Летти, да неужели?! – Маргарет постаралась, чтобы ее голос звучал в меру удивленно и в нем слышалась благодарность.

– Ужасно не хочется наступить кому-нибудь на больную мозоль.

– Нет... Нет... Конечно нет.

– И мне не хочется, чтобы ты или мальчики подумали... будто я стараюсь занять место вашей матери.

– Ну что ты! Никому такое даже в голову не придет!

Женщины молча переваривали то, что наконец было высказано вслух.

– И люди могут... неправильно понять. В нашем городе и вообще... – Летти машинально пригладила волосы.

– Да, они могут, – с серьезным выражением лица проронила Маргарет.

– Но с другой стороны, я пока без работы. Ведь военный завод закрылся. А семья должна быть на первом месте.

– Именно так.

– Я хочу сказать, мальчики нуждаются в женском влиянии. Особенно Дэниел. Он сейчас в том возрасте... И я ведь не делаю ничего плохого. Ничего такого... ну, ты понимаешь...

Если Маргарет и заметила, как у тети порозовели от удовольствия щеки, то ничего не сказала. Если тетина внешность в последнее время и изменилась – взять, к примеру, новую губную помаду, – что несколько усложняло для Маргарет ведение переговоров, то она решительно отменила все подозрения. Если ценой ее законной свободы станет узурпация освободившегося места матери, что ж, она постарается видеть в этом только хорошее.

Угловатое лицо Летти озарилось улыбкой.

– В таком случае, дорогая, если тебе так будет легче, я позабочусь о них, – сказала она. – И о твоей Мод тоже. Тебе не придется беспокоиться.

– Ну, о ней я меньше всего беспокоюсь. – Маргарет с трудом поднялась со стула. – Я собираюсь...

– Да, я сделаю все возможное, чтобы они были в порядке, – продолжила Летти. Согретая надеждой наконец обрести свое женское счастье, она вдруг стала словоохотливой. – Если тебе действительно так будет легче, Мэгги, дорогая, чем могу – помогу. Да, тебе не придется беспокоиться. – Почувствовав неожиданный прилив сил, она выжала последнюю рубашку, бросила ее в корзину для белья и приготовилась к новому сеансу сушки. Затем вытерла крупные костлявые руки о передник. – Ну вот. Ладно. Почему бы мне не приготовить нам по чашечке чая? А ты пока напиши письмо на флот, скажи, что согласна, и тогда мы будем знать, что все устроилось. Ты ведь не хочешь упустить место на корабле? Как та бедняжка, которой не повезло.

Маргарет выдавила сияющую улыбку. Если верить статье в «Гламуре», она, возможно, больше никогда с ними не увидится. И к этому тоже надо быть готовой.

– Знаешь что, Мэгги, я, пожалуй, проверю ящики в твоей комнате: не надо ли чего подлатать. Я ведь знаю, что с иголкой ты не дружишь, а мы хотим, чтобы ты выглядела как конфетка, когда встретишься с Джо.

Вы не должны осуждать их, говорилось в статье. Но вы должны быть уверены, что никогда не будете винить вашего мужа в том, что он разлучил вас с семьей. Тетя по-хозяйски перетаскивала корзинку с бельем, точь-в-точь как в свое время мама.

Маргарет зажмурилась и сделала глубокий вдох, слушая, как по прачечной эхом разносится голос Летти.

– Заодно приведу в порядок пару рубашек твоего отца. Раз уж я возьмусь за шитье. Дорогая, я ведь прекрасно вижу, что мужчины выглядят немного усталыми, и мне не хочется, чтобы говорили, будто я... – Она покосилась на Маргарет. – Я позабочусь о том, чтобы здесь

все было тип-топ. О да. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

Маргарет не хотелось, чтобы они оказались брошены на произвол судьбы. Уж лучше так, чем если появится кто-то, кого она вообще не знает.

– Мэгги?

– Мм?

– Как тебе кажется... Как тебе кажется, твой отец не будет возражать? Я хочу сказать, против меня. – Лицо Летти – лицо сорокапятилетней женщины – внезапно приняло озабоченное выражение и стало трогательно-беззащитным, совсем как у молодой невесты.

Уже гораздо позже, размышляя над этим долгими бессонными ночами, Маргарет так и не смогла понять, что заставило ее сказать это. Ведь она вовсе не была подлой или злой. Более того, она не хотела, чтобы Летти или папа коротали оставшиеся им дни в одиночестве.

– Мне кажется, он будет в восторге, – произнесла она, погладив собаку. – Летти, он очень тепло к тебе относится. И мальчики тоже. – Она принялась внимательно разглядывать занозу в руке и закашлялась. – Он частенько говорил, что ты для него... как сестра. Человек, с которым он может поговорить о маме и который помнит, какой она была... И конечно, если ты будешь стирать им рубашки, то заслужишь их бесконечную благодарность.

Мэгги не осмелилась поднять глаза, но остро почувствовала, как окаменели юбки Летти, как застыли на месте ее худые сильные ноги. А руки, такие ловкие и быстрые, безвольно повисли вдоль тела.

– Да, – наконец сказала Летти. – Конечно. – Голос ее звучал слегка сдавленно. – Ну, пойду приготовлю нам чая. Как и обещала.

Двух кенгуру, вылезших из материнской сумки 12 месяцев назад, собираются переправить самолетом в Лондон; за время пути они съедят 12 фунтов сена. Австралийская авиакомпания «Квантас» сообщила, что кенгуру проведут в воздухе всего 63 часа.

Сидней мониторинг геральд. 4 июля 1946 года

За три недели до посадки

Дорогой Иэн!

Ни за что не догадаешься – я еду! Понимаю, тебе трудно поверить, я сама почти не верю, но это правда. Папочка замолвил за меня словечко своему старому другу из Красного Креста, у которого имеются высокопоставленные друзья в Королевских ВМС, и вот уже вышел приказ о том, что мне предоставляется место на первом отходящем отсюда корабле, хотя, строго говоря, у меня низкий приоритет.

Поэтому, чтобы избежать волнений, пришлось сказать остальным невестам в округе, что я собираюсь в Перт навестить бабушку, но вот я уже здесь, в Сиднее, отсиживаюсь в отеле «Уэнтворт», чтобы попасть на борт раньше других.

Дорогой, жду не дождусь встречи с тобой. Ведь я ужасно по тебе скучаю. Мамочка говорит, что, как только мы найдем себе дом, они с папочкой сразу приедут. Они планируют путешествовать самолетами австралийских международных авиалиний – интересно, а ты знал, что на «Ланкастриане» до Лондона всего 63 часа лету? Мамочка попросила меня узнать у тебя адрес твоей мамы, чтобы, как только я приеду в Англию, она могла выслать мне туда оставшиеся вещи. Не сомневаюсь, они лучше поймут ситуацию, когда познакомятся с твоими родителями. А то им почему-то кажется, что в результате я окажусь в сырой халупе где-нибудь посреди английского поля.

Но так или иначе, мой дорогой, я отрабатываю новую подпись, учусь отзываться на «миссис» и привыкаю к обручальному кольцу на пальце. Жаль, конечно, что у нас не было настоящего медового месяца, но мне без разницы, где мы его проведем, лишь бы быть с тобой. Все, заканчиваю, так как днем иду в Клуб американских жен в Вуллумулу, хочу узнать, что мне понадобится в пути. У американских жен масса возможностей, не то что у нас, бедных английских жен. (Шучу-шучу!) Но хочу тебе сказать, что если меня заставят в очередной раз слушать «When The Boy From Alabama Meets A Girl From Gundagi», то я полечу к тебе сама на крыльях любви. Не забывай меня и пиши, когда у тебя выдастся свободная минутка.

Твоя Эвис

В течение четырех лет с момента своего основания Клуб американских жен собирался каждые две недели в элегантном белом доме рядом с Королевским ботаническим садом. Изначально его целью было помочь девушкам, приехавшим из Перта или Канберры, скоротать бесконечные недели до получения разрешения на поездку в Америку для воссоединения с их американскими мужьями. Девушек учили шить лоскутные одеяла, распевать «Звездно-полосатый флаг» и давали материнские советы беременным и кормящим матерям, а еще тем, кто так и не смог разобраться, что их сильнее мучает: страх перед дальней дорогой или мысль о том, что они в результате никуда не уедут.

Однако в последнее время клуб перестал быть чисто американским: принятый в США закон о военных невестах позволил ускорить отправку двенадцати тысяч недавно заключивших брак австралийских жен, поэтому на смену лоскутным одеялам пришли полуденный бридж и советы, как привыкнуть к английской еде и ее скудному рациону.

Многих вновь прибывших невест распределили по семьям в Лейчхардте, Дарлингхерсте^[6] или в пригородах Сиднея. Они словно оказались в странной прибрежной зоне: их жизнь в Австралии еще не закончилась, а новая – где-то там далеко – пока не началась, они целиком сосредоточились на детализации будущего, о котором совершенно ничего не знали и которое не могли контролировать. Поэтому на их встречах два раза в неделю у всех, естественно, была одна-единственная тема для разговоров.

– Одна моя знакомая девушка из Мельбурна отправилась через океан на борту «Куин Мэри»^[7] в каюте первого класса, – рассказывала какая-то очкастая девица. О лайнере говорили как о Священном Граале в мире транспорта. В Австралию до сих пор продолжали приходить письма с легендами об этом судне. – Все плавание она жарилась у бассейна. А еще там после ужина были танцы, различные игры и вообще... И она купила на Цейлоне совершенно божественные платья. Плохо только то, что ей приходилось делить каюту с какой-то женщиной с детьми. Фи! Повсюду липкие следы от пальцев на одежде, а в половине шестого начинал орать младенец.

– Дети – это благословение Господа, – безапелляционно заявила миссис Проффит, которая проверяла швы на зеленой шапочке с коричневой шерстяной подкладкой. Сегодня они собственными руками делали подарки для детей из Лондона, лишившихся крова в результате бомбардировки. Одной из девушек английская свекровь прислала книгу «Полезные вещи из обрезков и остатков», и миссис Проффит выписала оттуда советы, как сделать ожерелье из металлических колец для куриных лап и ночную кофту из старой сорочки и панталон. – Да, – сказала она, с любовью оглядев всех девушек. – Когда-нибудь вы поймете. Дети – это Божье благословение.

– А отсутствие детей – еще большее, – пробормотала кареглазая девушка, сидевшая рядом с Эвис, панибратски пихнув ее локтем.

В другое время Эвис и пяти минут не выдержала бы в такой пестрой компании девиц – некоторые из них явно только что прибыли с захудалого полустанка, у них даже туфли были припорошены красной пылью – и не захотела бы тратить столько часов своего драгоценного времени на то, чтобы выслушивать бесконечные лекции пожилых старых дев, которым война дала уникальный шанс хоть как-то скрасить свою унылую жизнь. Но сейчас она уже десять дней находилась в Сиднее вместе с другом отца, мистером Бартоном, единственным человеком, которого она здесь знала, и расширить круг общения могла исключительно в Клубе американских жен. Более того, она все еще не решила, как объяснить папочке поведение мистера Бартона. Ей пришлось раза четыре, не меньше, напоминать мистеру

Бартону, что она замужем, однако она не была до конца уверена, что для него это хоть что-то меняло.

На сегодняшних посиделках присутствовали еще двенадцать молодых женщин. Некоторые из них провели с мужьями в общей сложности не более недели, а добрая половина почти год не видела своих суженых. При отправке на родину приоритет отдавался воинским частям, а вовсе не «соломенным вдовам», как их здесь называли. Некоторые оформили нужные бумаги заранее, но с тех пор прошло уже больше года, а они так и не получили ни ответа ни привета. По крайней мере одна, не выдержав жутких жилищных условий, сдалась и вернулась домой. Остальные, ведомые слепой верой, отчаянием, любовью или чаще всеми этими чувствами одновременно, пока держались.

Эвис была здесь новенькой. Слушая их рассказы о семьях, в которые их определили, она в очередной раз мысленно поблагодарила родителей за то, что могла позволить себе такую роскошь, как гостиничный номер. Ее затея была бы не столь волнующей, если бы ей пришлось жить с какой-нибудь ворчливой престарелой парой. Тем более что все и так с каждым днем становилось чуть менее захватывающим.

– Если эта миссис Тидворт еще раз скажет: «О, дорогая, неужели он еще не послал за тобой?» – клянусь, я ее придушу.

– Ей это нравится, старой суке. То же самое она проделывала с Мэри Найт, когда та у нее жила. Уверена, старуха только и ждет, чтобы ты получила телеграмму «Не приезжай».

– А я больше не могу слышать все эти причитания типа «ты еще пожалеешь».

– Надеюсь, что осталось недолго, а?

– А когда приходит следующий?

– Примерно через три недели, если верить моему предписанию, – ответила кареглазая девица. Ее вроде бы звали Джин, но у Эвис была плохая память на имена, она забывала их сразу же после знакомства. – Хорошо бы он оказался не хуже «Куин Мэри». Ведь там был даже парикмахерский салон с настоящими фенами. А я ужас как хочу перед встречей со Стэном привести в порядок волосы.

– Она была замечательной женщиной. Королева Мария, – послышался голос миссис Проффит с другого конца стола. – Настоящей леди.

– А ты что, уже получила предписание? – хмуро посмотрела на Джин сидевшая напротив веснушчатая девушка.

– Еще на прошлой неделе.

– Но у тебя же низкий приоритет. Ты ведь сама говорила, что сдала документы только месяц назад.

В разговоре возникла неловкая пауза. Девушки обменялись многозначительными взглядами и снова сосредоточились на своем вышивании. Миссис Проффит удивленно подняла глаза, явно почувствовав возникшее в комнате легкое напряжение.

– Кому-нибудь нужны нитки? – глядя поверх очков, спросила она.

– Ну может же человеку просто повезти?! – воскликнула Джин, встав из-за стола.

– Как так вышло, что ее берут на борт? – спросила веснушчатая девица у своих соседок. – Я жду вот уже пятнадцать месяцев, а ее отправляют ближайшим кораблем. Разве это правильно? – Ее голос звенел от обиды, и Эвис взяла себе на заметку в дальнейшем помалкивать о своем предписании.

– Она беременна, да? – пробормотала другая девушка.

– Что?

– Джин. Она едет как семья. Американцы, например, всегда пропускают вперед тех, у кого срок больше четырех месяцев.

– Кто делает пингвина? – спросила миссис Проффит. – Для пингвина надо непременно использовать черную нитку.

– Постой-ка, – сказала рыжеволосая девушка, продевая нитку в иголку. – Ее Стэн уехал в ноябре. Она говорила, на том же корабле, что и мой Эрни.

– Значит, она не может считаться семьей.

– Или она... и...

Девушки многозначительно переглянулись, скривив рот в усмешке.

– Сара, милочка, ты закончила кенгуренка? – Миссис Проффит одарила девушек сияющей улыбкой и достала из матерчатой сумки несколько кусочков желтовато-коричневатого фетра. – По-моему, кенгурята прелесть какие милые. Правда?

Несколько минут спустя вернулась Джин. Она села на свое место, воинственно скрестив руки на груди. Однако поняв, что перестала быть темой для обсуждения, заметно расслабилась, хотя, возможно, и удивилась внезапному порыву трудового энтузиазма у собравшихся.

– Я встретила Иэна, своего мужа, на благотворительной вечеринке с танцами, – решила нарушить затянувшееся молчание Эвис. – Вместе с другими девушками я была в организационном комитете, и он оказался вторым, кому я предложила чашку чая.

– И это все, что ты ему предложила? – подала голос Джин.

Что ж, ей виднее.

– Насколько мне известно, твое понятие гостеприимства несколько отличается от общепринятого, – парировала Эвис.

Она вспомнила, как покраснела, когда наливала ему чай. Он, не скрываясь, глазел на ее щиколотки, которыми она и вправду весьма гордилась.

Унтер-офицер Иэн Стюарт Рэдди. Двадцати шести лет от роду, на целых шесть лет старше ее, что, по мнению Эвис, было самое то. Высокий, с прекрасной выправкой и глазами цвета моря, английский акцент настоящего джентльмена и большие мягкие руки, заставившие ее трепетать уже при первом прикосновении, а ведь она просто предложила ему песочное печенье. Он пригласил Эвис на танец – хотя никто не танцевал, – и она решила, что будет крайне неприлично с ее стороны отказать: ведь он как-никак военный. Подумаешь какой-то там квикстеп или «Веселые Гордоны»^[8], если перед тобой человек, смотревший смерти в лицо!

И меньше чем четыре месяца спустя они поженились. Скромная, но со вкусом церемония в бюро записей актов гражданского состояния на Коллинз-стрит. Ее отца мучили подозрения, и он попросил жену поговорить с дочерью – просто как женщина с женщиной, – чтобы узнать, нет ли, кроме неизбежного отъезда Иэна, каких-то иных причин для такого поспешного вступления в брак. Иэн ответил отцу – очень благородно с его стороны, думала она, – что он готов ждать, если таково желание родителей Эвис, и что он не пойдет против их воли, но она была решительно настроена стать миссис Рэдди. Война ускорила нормальный ход событий, уменьшив временные рамки подобных вещей. И после той первой чашки чая она поняла, что в мире нет другого человека, которого она желала бы увидеть в роли своего мужа. Ему, и только ему она хотела бы принести себя в дар.

– Дорогая, но мы же о нем ничего не знаем, – ломая руки, говорила ее мать.

– Он мой идеал.

– Ты ведь понимаешь, что я совсем другое имела в виду.

– А что тебе надо знать? Его часть была дислоцирована в районе Брисбенской линии, разве не так? Неужели сам факт, что он защищает нашу страну, рискуя жизнью вдали от родного дома, и все для того, чтобы спасти нас от япошек, не делает его достойным моей руки?

– Давай обойдемся без громких слов, солнышко, – сказал папа.

Конечно, они сдались. Они всегда ей уступали. Ее сестра Дина была в ярости.

– А мой Джонни был расквартирован у моей тети Ви, – сказала одна из девушек. – Он мне сразу приглянулся. Роскошный мужик. И уже на вторую ночь я проскользнула в его спальню. Вот такие дела.

– Да уж, кто смел, тот и съел, – заметила другая под дружное хихиканье. – Надо успеть первой застолбить участок.

– Особенно если рядом Джин.

И даже Джин улыбнулась.

– А теперь кто хочет попробовать сделать прелестное ожерелье? – Миссис Проффит показала цепочку из разномастных алюминиевых колец. – Не сомневаюсь, что самые элегантные дамы Европы носят именно такие.

– А на следующей неделе мы узнаем, как сделать шикарную вечернюю накидку из попоны.

– Эдвина, это я уже слышала. – Миссис Проффит аккуратно положила ожерелье на стол.

– Простите, миссис П., но если мой Джонни увидит на мне вот такую штуковину, он точно растеряется и не будет знать, что сделать вперед: то ли поцеловать меня, то ли проверить, не снесла ли я яйцо.

Девушки встретили ее слова взрывом смеха, в котором чувствовались едва сдерживаемые истерические нотки.

Миссис Проффит вздохнула и отложила в сторону свое рукоделие. Ну надо же! Конечно, этого следовало ожидать, поскольку до посадки на корабль оставалось совсем мало времени. И все же. Нет, ну надо же! Эти девицы бывают на редкость несносными!

– Так когда ты отплываешь?

Поскольку семья, принявшая Джин, жила в двух кварталах от «Уэнтворта», девушки не спеша пошли домой вместе. Они не испытывали друг к другу особой симпатии, но обеим не слишком хотелось провести очередной вечер в одиночестве в своей комнате.

– Эвис, что сказано в твоём предписании? Когда ты отплываешь?

А Эвис мучительно размышляла, стоит ли говорить правду. Она прекрасно понимала, что Джин – еще очень незрелая и совсем неотесанная – для нее не самая подходящая компания, особенно если слова о ее интересном положении – правда. Но Эвис не привыкла себя особо сдерживать, а ведь ей и так пришлось весь день держать рот на замке относительно своих планов.

– Тогда же, когда и ты. Через три недели. Как называется судно? «Виктория»?^[9]

– Просто жуть, да? – Джин прикурила сигарету, сложив руки домиком, чтобы пламя не задуло морским ветром.

У Эвис моментально испортилось настроение.

– Что ты сказала? – сморщила она нос.

– Это просто жуть. Они уехали на чертовой «Куин Мэри», а нам досталась старая

лоханка.

Мимо них медленно проехала машина, из окна высунулись двое солдат, выкрикнув в их адрес какую-то непристойность. Джин ухмыльнулась, помахивая сигаретой, и машина скрылась за углом.

Эвис резко остановилась:

– Прости, не поняла, что ты имела в виду.

– Ты разве не слышала, что сказала миссис Проффит? Та самая, что замужем за командером? – спросила Джин и, когда Эвис покачала головой, горько рассмеялась. – Боюсь, детка, что там не найдется для нас ни парикмахерских, ни кают первого класса. Наша «Виктория» – чертов авианосец.

Эвис с минуту молча смотрела на Джин, а затем улыбнулась. Той самой улыбкой, которую дома специально приберегала для прислуги, когда та делала очередную глупость.

– Джин, ты, должно быть, ошибаешься. Леди не путешествуют на авианосцах. – Она поджала губы, табачный дым попал ей прямо в лицо. – А кроме того, они вряд ли смогут там нас всех разместить.

– Значит, ты действительно ничего не знаешь, да? – (Эвис с трудом подавила раздражение. Какая-то соплюха, младше ее по крайней мере на пять лет. И надо же, имеет наглость так с ней разговаривать!) – Все, у них закончился приличный транспорт. И поэтому они готовы запихнуть нас куда угодно, лишь бы доставить по назначению. По-моему, они считают, что тот, кто действительно хочет ехать, привередничать не станет.

– Ты уверена?

– Даже старая миссис П. проявляет некоторое беспокойство. Похоже, волнуется, что ее молодые леди прибудут в Англию в рабочих комбинезонах и чумазые, как трубочисты. А она-то рассчитывала, что наши красотки произведут совсем другое впечатление.

– Авианосец? – У Эвис подкосились ноги. Она оперлась о ближайшую стенку и села.

Джин устроилась рядом.

– Да, именно так. Название я, конечно, не проверяла. Но по прикидкам выходит, что это он самый и есть... Ну, наверное, они его все же как-то приспособят.

– Но где мы будем спать?

– Без понятия. На палубе вместе с самолетами? – (У Эвис округлились глаза.) – Тьфу на тебя, Эвис, нельзя же быть такой лопоухой! – Джин отрывисто расхохоталась, затушила сигарету, встала и пошла вперед. Возможно, это все игра воображения, но Эвис решила, что Джин с каждой минутой становится все вульгарнее. – Они найдут какой-нибудь способ нас устроить. Все лучше, чем застрять здесь надолго. У нас будет еда и постель, а Красный Крест за нами присмотрит.

– Ой, я сильно сомневаюсь в этом. – Эвис сразу помрачнела и ускорила шаг. Если она позвонит сейчас, то еще застанет папу в клубе.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не смогу путешествовать в таких условиях. Для начала мои родители этого не допустят. Они думали, что я поплыву на лайнере. Ну, ты понимаешь, на одном из тех, что были реквизированы для транспортировки. А иначе они не разрешили бы мне ехать.

– Детка, в такие времена, как сейчас, приходится брать, что дают. И ты это знаешь. – (Только не я, мысленно произнесла Эвис. Теперь она уже со всех ног бежала к отелю. Только не девушка, чья семья была крупнейшим в Мельбурне производителем радиоприемников.) – А еще нас обеспечат рабочей одеждой на случай, если нам придется что-то драить.

– Не смешно.

– Да что ты! Просто животики надорвешь! – (Пошла прочь, мерзкая девчонка, подумала Эвис. Я не поплыву с тобой на одном судне, пусть это будет хоть «Куин Мэри», даже на прогулку по Сиднейской бухте.) – Расслабься, Эвис. Не сомневаюсь, что они обеспечат тебя первоклассной койкой в котельном отделении!

Эвис успела добежать до середины улицы, а в ушах у нее все стоял хриплый смех Джин.

– Mamочка?

– Эвис, дорогая, это ты? Уилфред! Эвис звонит. – (Она слышала, как разносится по коридору мамин голос, представляла, как та сидит возле телефона, на паркетном полу персидский ковер, на столике неизменная ваза с цветами.) – Как ты там, моя дорогая?

– Прекрасно, мамочка. Но мне срочно надо поговорить с папочкой.

– Мне не нравится твой голос. У тебя действительно все хорошо?

– Да.

– Иэн наконец дал о себе знать?

– Mamочка, мне надо срочно поговорить с папочкой. – Эвис изо всех сил старалась не выдать свою нервозность.

– Но ты ведь мне обязательно скажешь, да?

– Это моя маленькая принцесса?

– Ой, папочка, слава богу! У меня проблема. – (Отец не ответил.) – С транспортом.

– Я лично разговаривал с командером Гилдом. Он обещал, что тебя посадят на борт ближайшего...

– Нет, дело не в том. Он устроил меня на корабль.

– Тогда в чем проблема?

Эвис слышала на заднем фоне голос матери:

– Это молодой человек. Десять к одному, что дело в нем.

А еще голос Дины:

– Он что, велел ей не приезжать?

– Скажи им, что Иэн здесь ни при чем. Я о корабле.

– Ничего не понимаю, принцесса.

– Это авианосец.

– Что?

– Морин, – шикнул на мать отец, – успокойся! Я ничего не слышу.

Эвис отрывисто выдохнула:

– Именно так. Это авианосец. Они собираются отправить нас в Англию на *авианосце*.

В трубке возникла длинная пауза.

– Они хотят, чтобы она путешествовала на авианосце, – объяснил отец домочадцам.

– Что? На самолете?

– Да нет же, глупая ты женщина! На корабле, на котором они перевозят самолеты.

– На военном корабле?

Эвис сразу представила, как мать театрально пошатнулась от ужаса. Дина разразилась гомерическим хохотом. Чего и следовало ожидать: сестра не могла простить Эвис, что та первой выскочила замуж.

– Тебе придется устроить меня на какое-нибудь другое судно, – торопливо произнесла Эвис. – Поговори с тем, как бишь его, кто посадил меня на корабль. Скажи, что я не могу

отправиться на *этом* в путь. Пусть организует для меня другой корабль.

– Ты ничего не говорил про авианосец! – услышала она голос матери. – Она не может на нем ехать. Только не со всеми этими самолетами, что каждую минуту взлетают с палубы. Очень опасно!

– Папочка?

– Они ведь потопили «Вайнер Брук», разве не так? – запричитала мать. – Япошки попытаются потопить авианосец, как в свое время потопили «Вайнер Брук».

– Замолчи, женщина. В чем дело? Ты что, единственная девушка на борту, принцесса?

– Я? Ой нет, отправляют примерно шестьсот жен, – нахмурилась Эвис. – Что само по себе ужасно. Они заставят нас ночевать в спальнях мешках, и там вообще не будет никаких удобств. И, папочка, ты бы видел, с какими девицами мне придется общаться – одна только их манера говорить чего стоит! Мне даже трудно сказать...

Трубку взяла ее мать:

– Эвис, я так и думала! Они просто не твоего круга. Не уверена, что это хорошая идея.

– Папочка, ты сможешь все уладить?

Ее отец тяжело вздохнул:

– Ну, это не так просто, как кажется, принцесса. Мне пришлось нажать на все рычаги, чтобы посадить тебя на корабль. И в любом случае большинство невест уже уехали. Не уверен, будут ли другие корабли и сколько.

– Ну, тогда отправь меня самолетом. Я могу полететь «Квантасом».

– Эвис, все не так просто.

– Но я не могу путешествовать на этом жутком корабле!

– Послушай, Эвис. Я потратил кучу денег, чтобы запихнуть тебя на корабль. Ты меня поняла? И еще чертову уйму – на твой проклятый отель, потому что тебе, видите ли, не нравится, как размещают жен моряков. И я не буду платить еще за перелет в Англию только потому, что тебя, понимаешь ли, не устраивают условия на борту судна.

– Но, папочка! – Она топнула ногой, сразу обратив на себя внимание девушки за стойкой портье. Тогда она понизила голос до трагического шепота: – Я в курсе твоих дел. Так что не думай, будто я не знаю, почему ты отказываешься мне помочь.

В разговор вмешалась мать, в ее голосе слышались металлические нотки:

– Эвис, ты совершенно права. Мне кажется, что корабль не самая удачная идея.

– Правда? – В душе Эвис затеплилась надежда.

Уж кто-кто, а ее мать умела путешествовать с комфортом. Она знала, что все нужно делать как положено. И что подумает Иэн, когда она предстанет перед ним грязная, как землекоп.

– Да. Полагаю, тебе прямо сегодня следует вернуться домой. Садись на первый утренний поезд.

– Домой?

– Во всей этой истории слишком много «но». Эта затея с кораблем поистине ужасна, и от твоего Иэна до сих пор нет ни слуху ни духу...

– Мамочка, но он же в море.

– И мне кажется, что все складывается решительно не в твою пользу. А потому смиришься, дорогая, и возвращайся домой.

– Что?

– Ты ничего не знаешь о семье этого человека. Ты даже не можешь сказать точно, будут

ли тебя встречать. В случае если военный корабль вообще туда доберется. Возвращайся домой, дорогая, и мы все утрясем. Многие девушки уже передумали. В газетах постоянно об этом пишут.

– А многих вообще поматросили и бросили, – встряла в разговор Дина.

– Мамочка, но я замужем!

– Не сомневаюсь, что мы сможем с этим что-то сделать. Ведь здесь практически никто ничего не знает.

– Что?

– Подумаешь, большое дело! Мы можем аннулировать брак или типа того.

Эвис не верила своим ушам.

– Аннулировать?! Фу! Какие же вы все лицемерные! Теперь-то я понимаю, что вы задумали. Вы специально посадили меня на это дырявое корыто, чтобы мне не захотелось никуда ехать.

– Эвис...

– Ну, ничего у вас не получится. Вы не заставите меня изменить мое мнение относительно Иэна.

Девушка-портье, которой надоело притворяться, будто она не слушает, стора от любопытства, облокотилась на стойку. Эвис прикрыла трубку рукой, выразительно подняла брови, и пристыженная девушка принялась деловито перебирать бумажки.

В разговор снова вступил отец:

– Ты еще там? Эвис? – Он горестно вздохнул. – Послушай, я переведу тебе немного денег. Если хочешь, отложи их на потом. Сиди в гостинице и не дергайся. Мы еще поговорим.

Эвис слышала, как где-то на заднем фоне верещит мать. А сестра требовательно спрашивает, с чего это Эвис живет в лучшем отеле Сиднея.

– Нет, папочка, – сказала она. – Передай маме и Дине, что я сяду на этот чертов корабль, чтобы встретиться со своим мужем. Я сама туда доберусь, даже если мне придется плыть по морю солярки в окружении вонючих солдат, потому что я *люблю* его. Больше я звонить не буду, но можешь сказать ей... Словом, передай мамочке, что, когда доберусь, пошлю ей телеграмму. Когда Иэн – мой муж – встретит меня.

Служба медицинских сестер армии Австралии предъявляет следующие требования к соискателям: кандидатка должна быть официально зарегистрированной профессиональной медсестрой, британской подданной, незамужней, не имеющей иждивенцев... годной по состоянию здоровья, дружелюбной и обладающей теми личными качествами, которые необходимы для того, чтобы стать хорошей военной медсестрой.

Джоан Кроуч. Особый вид службы.

История Австралийского главного военного госпиталя за номером 2/9. 1940–1946

Моротай, к северу от острова Хальмахера,

южная часть Тихого океана, 1946 год

За неделю до посадки

Внебе над островом Моротай стояла полная луна. Она меланхолично освещала спящую землю, окутанную такой удушливой жарой, что даже ласковый морской ветерок, проникающий сквозь защитный экран из сизаля, не приносил прохлады. Ночную тишину нарушал только звук падающих на землю кокосов. Но теперь не осталось никого, кто мог бы подбирать спелые плоды, и они беспорядочно падали, создавая угрозу для утративших бдительность.

Теперь бóльшая часть Моротая погрузилась во тьму, только кое-где тускло светились окна строений, вытянувшихся вдоль дороги, что пересекала остров. Последние два года на этой стороне стоял непрерывный шум от военных машин союзных войск, в небе ревели самолеты, оставлявшие за собой инверсионный след, но сейчас здесь воцарилась непривычная тишина, нарушаемая лишь взрывами смеха где-то там вдалеке, хриплым шипением граммофона и звоном стаканов, едва различимым в неподвижном воздухе.

В сестринской палатке, стоявшей в палаточном лагере в нескольких сотнях ярдов от того, что некогда было американской базой, старшая медсестра Одри Маршалл из Австралийского главного военного госпиталя делала последние записи в оперативном журнале своего отделения:

- Эвакуация бывших военнопленных на кораблях с острова Моротай – на стадии рассмотрения.
- Получен приказ на перемещение в пределах подразделения: двенадцать бывших военнопленных и одна медицинская сестра отправляются завтра в Австралию на «Ариадне».
- Наличие койко-мест: занято двенадцать, свободно двадцать четыре.

Она посмотрела на эти две цифры и вспомнила тот страшный год, когда данные были совершенно иными и ей приходилось заполнять еще одну графу, а именно: «число умерших». Ее отделение осталось на острове в числе последних: из пятидесяти двух отделений сорок пять уже закрылись, пациенты отправлены на родину в Англию, Австралию и даже в Индию; медсестры уволены, все имущество подготовлено для продажи властям Нидерландов. А сборная солянка из оставшихся бывших военнопленных должна была быть отправлена в Австралию на «Ариадне» – последнем плавучем госпитале. Затем, вплоть до получения приказа возвращаться на родину, старшая медсестра будет иметь дело только с ранениями в результате автомобильных аварий или с обычными заболеваниями.

– Медсестра Фредерик говорит, я должна доложить вам, что в операционной сержант Уилкс танцует фокстрот с медсестрой Купер... Она уже два раза упала, – просунула голову в занавешенный дверной проем младшая медсестра Гор.

Ее всегда пылающее лицо сейчас еще больше раскраснелось от волнения и выпитого виски. В связи с надвигающимся закрытием госпиталя девушки совсем распустились. Они вели себя глупо и легкомысленно, распевали песенки и разыгрывали перед мужчинами сцены из старых фильмов. Их сдержанность и умение держать дистанцию напрочь испарились в насыщенном влагой воздухе. И хотя, строго говоря, они все еще были на службе, старшей медсестре не хватило духу устроить им выволочку – ведь бедняжки и так натерпелись за последние недели. Она не могла забыть их испуганные, вытянутые лица, когда с Борнео прибыли первые военнопленные.

– Иди и передай этой глупой девчонке, чтобы отвела его обратно. Меня не волнует, если она покалечится, но он уже сорок восемь часов на ногах. При всех его проблемах только перелома ему и не хватает!

– Будет сделано, старшая медсестра. – Опустив за собой занавеску, девушка исчезла, но затем ее лицо появилось снова. – А вы придете? Мальчики спрашивают, куда это вы подевались.

– Я скоро. – Она закрыла журнал и поднялась со складного стула. – Не жди меня.

– Да, старшая медсестра, – хихикнула девушка – и была такова.

Одри Маршалл поправила прическу перед маленьким зеркалом над тазиком для умывания и промокнула потное лицо полотенцем. Прихлопнула севшего на руку комара, одернула серые хлопчатобумажные брюки и прошла мимо операционной, где сейчас, слава богу, было тихо, в сторону палаты G, размышляя о том, насколько приятнее слышать звуки музыки и смех, чем стоны корчащихся от боли мужчин.

Большая часть коек в длинной палатке, известной как палата G, была сдвинута в сторону, так что половина помещения превратилась в танцплощадку с песчаным полом, лежащие больные могли наблюдать за танцующими прямо с кровати. На столе в углу стоял граммофон, хрипло проигрывавший немногочисленные пластинки, еще не заезженные до конца. Импровизированный бар устроили в перевязочной, капельницы приспособили под виски и пиво.

Сегодня большинство присутствующих решили обойтись без форменной одежды: женщины надели светлые блузки и цветастые юбки, мужчины – рубашки и брюки с затянутыми на талии тонкими ремнями. Несколько сестер танцевали, одни – просто шерочка с машерочкой, другие, спотыкаясь на замысловатых па, – с оставшимся персоналом Красного

Креста и физиотерапевтами. При появлении Одри Маршалл кое-кто остановился, но она кивнула, чтобы на нее не обращали внимания.

– Полагаю, мне следует сделать вечерний обход, – нарочито строгим голосом сказала она, словно ожидая получить слова ободрения от присутствующих в палатке.

– Нам будет не хватать вас, старшая медсестра, – взволнованно произнес лежавший в углу сержант Леви.

Одри Маршалл с трудом разглядела его лицо за поднятыми вверх загипсованными ногами.

– Тебе скорее будет не хватать обтираний мокрой губкой, – под одобрительный смех собравшихся заметил его приятель.

Она прошла по проходу между кроватями, измеряя температуру у заболевших лихорадкой денге и заглядывая под повязки, наложенные на тропические язвы, которые упорно не желали заживать.

Хотя эти выглядели не так уж плохо. Когда в начале года в госпиталь поступили освобожденные из плена индийцы, даже ее стали мучить ночные кошмары. Она вспомнила раздробленные кости, гноящиеся раны от штыков, раздувшиеся от голода животы. Доведенные до нечеловеческого состояния, многие сикхи не давали лечить себя. Они так привыкли к жестокости, что даже в таком жалком состоянии не ожидали ничего иного. А потом медсестры рыдали в своих палатках, оплакивая тех, которых японцы перед отступлением специально перекормили и которые умерли мучительной смертью после первого глотка свободы.

Некоторые сикхи и на мужчин-то были не слишком похожи. Безмолвные и не вполне адекватные, они оказались настолько истощенными, что их легко могла поднять с кровати одна медсестра. Чтобы восстановить полностью разрушенную пищеварительную систему, медсестры неделями кормили сикхов, точно новорожденных: разведенным сухим молоком – каждые два часа, картофельным пюре – чайными ложками, молотым кроличьим мясом и вареным рисом. Сестры прижимали к груди похожие на черепа головы, вытирали им после еды потрескавшиеся губы, пытаясь ласковыми словами и улыбками убедить индийцев, что это вовсе не прелюдия к очередному акту невыносимой жестокости. И постепенно в их запавших глазах загорался огонь узнавания, мужчины начинали понимать, где они находятся и что с ними делают.

Медсестры были настолько тронуты их страданиями, их безмолвной благодарностью, а также тем обстоятельством, что многие годами не получали весточки из дома, что спустя несколько недель даже попросили одного из переводчиков помочь им приготовить блюдо с карри для тех пациентов, кто был в состоянии переварить подобную еду. Ничего особенного, просто немного баранины со специями, индийские лепешки и отварной рис. Медсестры подали блюдо на подносах, украшенных цветами. Им хотелось убедить индийцев, что в мире еще осталось место для красоты. Но когда девушки вошли в палату и гордо поставили перед сикхами подносы с едой, те неожиданно полностью потеряли самообладание: им оказалось труднее перенести проявления доброты, чем грубую брань и побои.

– Пропустите с нами по маленькой, старшая медсестра?

Капитан поднял бутылку, приглашая ее присоединиться. Песня закончилась, и кто-то в дальнем конце палатки грубо выругался, когда следующая пластинка выскользнула из рук и упала на пол. Одри Маршалл пристально посмотрела на капитана. При том лекарстве, что он на данный момент принимал, алкоголь был ему категорически противопоказан.

– Не откажусь, капитан Бейли. За наших мальчиков, которые не вернутся домой.

Медсестры сразу расслабились.

– За отсутствующих друзей, – подняв стаканы, пробормотали они.

– Жаль, что уехали американцы, – вытерла потный лоб младшая медсестра Фишер. –

Чего мне не хватает, так это их ведерок с колотым льдом.

В госпитале осталось только несколько английских пациентов.

По палатке пронесся гул одобрения.

– Ужасно хочется на море, – произнес рядовой Лервик. – Мечтаю почувствовать на лице морской ветер.

– А еще чая, заваренного на воде без хлорки.

– Холодного английского пива.

– Такого не бывает, приятель.

Сильная жара обычно вызывала у всех чувство апатии. Больные дремали на койках, а медсестры неторопливо выполняли свою работу: вытирая прохладными полотенцами взмокшие лица пациентов, они осматривали их на предмет язв, инфекции и дизентерии. Но грядущий отъезд бывших военнопленных, а также сам факт, что они идут на поправку и уже виден свет в конце туннеля, – все это неуловимо изменило атмосферу в палате. Возможно, просто пациенты неожиданно осознали, что занимавшие остров подразделения, которые плечом к плечу прошли через ужасы последних лет, вскоре будут окончательно расформированы, жизнь раскидает боевых товарищей по разным странам, даже континентам, и они могут никогда больше не свидеться.

И, глядя на этих людей, Одри Маршалл почувствовала, как у нее внезапно сдавило горло, ощущение настолько непривычное, что она даже слегка растерялась. Одри вдруг поняла желание девочек устроить праздник и стремление мужчин провести последние часы перед расставанием в обстановке безудержного пьяного веселья.

– Знаете что, – сказала она, махнув рукой в сторону капельницы в углу, где один из физиотерапевтов пил пиво из протеза ступни. – Пожалуй, налейте мне большой стакан.

А вскоре все дружно затагнули «Shenandoah». Пьяные, гнусавые голоса проникали через брезент, растворяясь в ночном небе.

И когда хор уже приближался к кульминации песни, в палатке появилась девушка. Одри поначалу ее даже и не увидела, – возможно, виски притупило обычную остроту восприятия. Но сейчас, с удовольствием наблюдая за тем, как поют в постели идущие на поправку пациенты, как крепко держатся за руки медсестры, время от времени смахивавшие с глаз слезы умиления, она радостно возвышала голос в песне и только потом заметила, что в помещении будто подул холодным ветром, и не сразу увидела косые взгляды, явственно говорившие о том, что в палатке что-то неуловимо изменилось.

Девушка стояла в дверях, ее бледное веснушчатое лицо казалось фарфоровым, обтянутые форменной одеждой худенькие плечики вздернуты. В руках она держала небольшой чемоданчик и вещмешок. Она явно не накопила добра за шесть лет работы в Австралийском главном военном госпитале. Она смотрела на толпу людей внутри так, словно вдруг передумала войти. Но затем поймала взгляд Одри Маршалл и нерешительно приблизилась к ней, стараясь держаться поближе к стенке палатки.

– Уже успела собраться, сестра?

После секундного колебания девушка ответила:

– Если не возражаете, старшая медсестра, сегодня вечером я уезжаю вместе с плавучим

госпиталем. Тяжелобольным нужен уход.

– Можно подумать, меня кто-то спрашивал, – сказала Одри, стараясь не выдавать обиды.

– Я... Я сама предложила, – потупилась девушка. – Надеюсь, что вы не будете возражать. Думала, там от меня больше пользы... И я вам здесь больше не нужна. – Из-за музыки ее было практически не слышно.

– А ты не хочешь остаться и выпить с нами на посешок?

Одри сама удивилась своему вопросу. За все четыре года, что они проработали бок о бок, сестра Маккензи не была ни на одной вечеринке. Теперь Одри начинала понимать почему.

– Очень любезно с вашей стороны, но нет, благодарю. – Девушка уже поглядывала на дверь, словно ей не терпелось поскорее уйти.

Одри собралась было надавить на нее, ужасно не хотелось отпускать сестру Маккензи просто так, словно шесть лет совместной работы не в счет. Но пока старшая медсестра подыскивала нужные слова, она вдруг заметила, что девушки прекратили танцевать. Они сбились в кучку, бросая на сестру Маккензи колючие взгляды.

– Я желаю сказать... – начала Одри, но ее перебил один из мужчин:

– Неужели это сестра Маккензи? Старшая медсестра, вы что, прячете ее от нас? Ну давай же, сестра! Вы не можете вот так взять и уехать, толком не попрощавшись.

Рядовой Лервик попытался встать с кровати. Он уже спустил одну ногу на пол и теперь прилагал невероятные усилия, чтобы выпрямиться, держась за металлическое изголовье кровати.

– Сестра, не уходите! Помните, что вы мне обещали?

Одри увидела, как медсестра Фишер обменялась многозначительным взглядом со стоящими рядом девушками. Старшая медсестра посмотрела на сестру Маккензи и поняла, что та тоже заметила. И еще крепче вцепилась в свои нехитрые пожитки. Она выпрямилась и тихо сказала:

– Я не могу остаться, рядовой. Мне уже пора быть на борту плавучего госпиталя.

– Так вы что, даже и не выпьете с нами, сестра? На прощание.

– У сестры Маккензи еще много дел, сержант О'Брайен, – отрезала старшая медсестра.

– Ай да бросьте! Пожмите хотя бы мне руку.

Девушка шагнула вперед, чтобы обменяться рукопожатием со всеми желающими. Музыка заиграла снова, это отвлекло внимание от сестры Маккензи, но Одри не могла не заметить, как презрительно прищурились некоторые девушки и демонстративно отвернулись кое-кто из мужчин. Она последовала за сестрой Маккензи, бдительно следя за тем, чтобы ее не слишком задерживали у каждой кровати.

– Вы столько для меня сделали, сестра. – Сержант О'Брайен сжал в широких ладонях ее бледную руку, в глазах у него стояли пьяные слезы.

– Не больше, чем любая другая из нас, – чуть более резко, чем надо, ответила она.

– Сестра! Сестра, идите сюда! – зывал к ней рядовой Лервик. Одри увидела, что девушка обратила на него внимание, и тут же мысленно прикинула, сколько кроватей отделяет ее от него. – Ну давайте же, сестра Маккензи. Вы мне обещали. Неужто забыли?

– Простите, но я не думаю...

– Вы же не станете нарушать обещание, которое дали раненому. Ведь правда, сестра? – Выражение лица рядового Лервика сделалось до смешного умильным.

Лежащие рядом с ним больные хором присоединились к нему:

– Ну давайте, сестра. Вы обещали.

В палатке неожиданно стало очень тихо. Одри Маршалл увидела, что девушки расступились и выжидающе посмотрели на сестру Маккензи.

Наконец старшая медсестра не выдержала и пришла на помощь девушке:

– Рядовой, я была бы вам крайне признательна, если бы вы легли обратно в постель. – Она поспешно подошла к нему. – Какая разница – обещала, не обещала. Все равно вам еще рано вставать с постели.

– Ай, старшая медсестра. Сделайте для парня исключение.

Она как раз поднимала его ногу, чтобы помочь ему нормально лечь, когда услышала за спиной голос сестры Маккензи:

– Все правильно, старшая медсестра. – И только трепет бледных рук выдавал волнение девушки. – Я действительно обещала.

Одри даже не увидела, а буквально кожей ощутила взгляды других женщин и неожиданно почувствовала, что у нее, несмотря на жару, покалывает лицо.

Маккензи была высокой девушкой, и ей пришлось наклониться, чтобы помочь молодому человеку сесть, а затем она ловким жестом опытной медсестры, положив руку ему на спину, рывком поставила его на ноги.

На секунду все словно онемели, а затем сержант Леви крикнул, чтобы поставили пластинку, и граммофон завели снова.

– Вперед, Скотти, – произнес какой-то мужчина у девушки за спиной. – Только смотри не отдави ей пальцы.

– Я и раньше был не мастак танцевать, – пошутил он, когда они медленно вышли на импровизированную танцплощадку. – А два фунта шрапнели в коленях вряд ли помогут делу.

И они начали танцевать.

– Ах, сестра, – услышала Одри, – вы даже не представляете, как долго я об этом мечтал.

Окружившие их мужчины разразились аплодисментами. Одри Маршалл неожиданно для себя тоже захлопала в ладоши. Представшее ее глазам зрелище тронуло Одри чуть ли не до слез: сияющий от гордости и счастья искалеченный мужчина, который сумел наконец осуществить свою скромную мечту – выйти на танцплощадку, держа в объятиях женщину. Одри наблюдала за медсестрой, которую пациент поставил в неловкое положение, но которая тем не менее была готова в любую минуту подхватить его своими гибкими руками, если, не дай бог, он потеряет равновесие. Добрая девочка. Хорошая медсестра.

В том-то и беда.

Музыка стихла. Рядовой Лервик облегченно рухнул на постель, продолжая улыбаться, несмотря на усталость. А у Одри упало сердце. Она понимала, что даже такой акт милосердия будет истолкован не в пользу молодой медсестры. Более того, Одри видела, что девушка, которая сейчас искала глазами свои вещи, тоже все прекрасно понимает.

– Я провожу тебя, сестра, – торопливо произнесла Одри Маршалл, желая хоть немного отвлечь внимание остальных от девушки.

Но рядовой Лервик не отпускал ее руку.

– Мы очень благодарны вам всем, что вы тратите на нас свободное время... Вы нам стали... как сестры. – Его голос сорвался, и девушка, немного поколебавшись, склонилась над ним, уговаривая не расстраиваться. – Именно так я всегда и думаю о вас, сестра. Так, и только так. Мне просто хотелось, чтобы бедный Чоки... [\[10\]](#)

Одри решительно вклинилась между ними:

– Я уверена, что здесь все очень благодарны сестре Маккензи. Разве нет? Более того, я

уверена, что все хотят пожелать ей в дальнейшем всего наилучшего.

Несколько медсестер вежливо похлопали Одри. А парочка мужчин обменялись понимающими ухмылками.

– Спасибо вам, – тихо сказала девушка. – Спасибо. Я рада, что мне довелось познакомиться... со всеми вами... – Она закусила губу и бросила взгляд в сторону двери. Ей явно не терпелось поскорее убраться отсюда.

– Сестра, я тебя провожу.

– Берегите себя, сестра Маккензи.

– Когда будете дома, передайте привет нашим парням.

– Скажите моей женочке, чтобы согрела мою половину постели. – Эти слова сопровождалось непристойным смехом.

Одри, которая чуть-чуть отошла от терзавшего ее смутного беспокойства, удовлетворенно взирала на происходящее. Еще несколько недель назад некоторые из мужчин не могли назвать имя своей жены.

Две женщины медленно брели к кораблю, звуки вечеринки давно смолкли вдаль, и лишь шуршание их накрахмаленной форменной одежды да хруст песка под ногами нарушали тишину. Они шли вдоль забора, окружавшего лагерь, мимо рядов опустевших госпитальных палаток, обшитых рифленным железом казарм, походной кухни и уборных. Они кивнули часовому на воротах, который отдал им честь, вышли из лагеря и, печатая шаг по асфальту, направились по пустынной дороге в сторону госпитального судна, которое покачивалось при свете луны на тускло мерцающей воде.

Оказавшись у пропускного пункта, они остановились. Сестра Маккензи смотрела на корабль, а Одри Маршалл гадала про себя, что творится сейчас у девушки в голове, хотя, кажется, уже заранее знала ответ.

– До Сиднея плыть не так далеко, – нарушила она неловкое молчание.

– Нет. Совсем недалеко.

Слишком много ненужных вопросов, слишком много банальных ответов. Одри с трудом поборола желание обнять девушку, жалея, что не может толком выразить свои чувства.

– Ты поступаешь совершенно правильно, Фрэнсис, – наконец произнесла она. – На твоём месте я сделала бы то же самое.

Девушка посмотрела на нее, спина прямая, взгляд совершенно спокойный. Она всегда была настороже, подумала Одри, но сейчас замкнулась настолько, что ее лицо было словно высечено из мрамора.

– Не обращай внимания на остальных, – неожиданно для себя сказала старшая медсестра Маршалл. – Они тебе просто завидуют. – (Но обе знали, что все не так просто.) – Ну что, начинаешь все с нуля? – протянула ей руку Одри.

– Да, с нуля, – ответила ей твердым рукопожатием сестра Маккензи. Несмотря на жару, рука ее оставалась прохладной. Лицо было совершенно непроницаемым. – Спасибо вам.

– Береги себя. – Одри была лишена сантиментов и внезапных душевных порывов.

И когда девушка решительно направилась к кораблю, Одри кивнула, одернула брюки и пошла обратно в сторону лагеря.

На прошлой неделе самым захватывающим зрелищем в Сиднее стало отплытие в Англию на борту авианосца «Викториес» 700 австралийских женщин – жен английских военнослужащих из заграничного контингента войск. Еще задолго до отправления судна дороги рядом с гаванью уже были запружены родственниками и друзьями...

Большинство так называемых военных невест оказались на удивление юными.

Бюллетень (Австралия), 10 июля 1946 года

Погрузка

Впоследствии она и сама не была уверена в том, что именно ожидала увидеть: возможно, чинную очередь из женщин с чемоданами в руках. Они пройдут мимо капитана, обменяются с ним рукопожатием, попрошаются с родственниками – вероятно, со слезами на глазах – и поднимутся по трапу на борт огромного белоснежного корабля. А она, Маргарет, будет махать платочком своим родным, выкрикивая последние наставления насчет корма для кобылы и маминых новых ботинок, которые подойдут Летти, ну и конечно, прощальные слова любви. И когда корабль начнет медленно выходить в открытое море, слова эти эхом разнесутся над гаванью. А она – храбрая молодая женщина – не станет оглядываться назад, а будет смотреть только вперед.

А вот чего она даже представить себе не могла, так это жутких заторов на дорогах до самой Сиднейской гавани; машин, бампер к бамперу ползущих под свинцовым небом в бесконечной веренице транспорта; толп осаждающих вход в порт людей, которые, надрывая глотку, приветствовали тех, кто или был от них слишком далеко, или настолько оглох от стоявшего кругом шума, что в любом случае ничего не слышал. Духовой оркестр, продавцы мороженого, потерявшиеся дети. Тысячи людей, которые, спотыкаясь и работая локтями, прокладывали себе дорогу в толпе. Общая истерика молодых женщин и нагруженных багажом родителей, которые с отчаянными воплями пытались пробиться в этом людском водовороте к огромному серому судну. Нервозное ожидание, как морской туман, повисло над портом.

– Черт возьми, при такой скорости мы никогда не доберемся! – Марри Донливи сидел за рулем пикапа и курил сигарету за сигаретой, его веснушчатое лицо было мрачным.

– Успокойся, папа. – Маргарет положила руку ему на плечо.

– Этот мужик ведет машину как идиот. Ты только посмотри, чешет почем зря языком и даже не видит, что все уже тронулись. Ну давай пошевеливайся! – Он изо всех сил нажал на гудок, в результате чего машина впереди дернулась и заглохла.

– Папа, ради бога, это ведь не одна из твоих коров! Послушай, все прекрасно. У нас все будет прекрасно. Если мы окончательно застрянем, я могу выйти и пойти пешком.

– Она вполне способна раскидать машины своим чертовым пузом. – Сидевший на

заднем сиденье Дэниел в очередной раз очень грубо высказался о ее животе, который он иначе как брюхом не называл.

– Но сперва я накидаю тебе, если ты не будешь следить за языком. Причем даже не животом, а просто рукой.

Маргарет наклонилась, чтобы погладить терьера, сидевшего на полу между ее ног. Мод Гонн то и дело принюхивалась к доносившимся из открытого окна незнакомым запахам: морской соли, выхлопных газов, попкорна и дизельного топлива. Мод была очень старой и полуслепой, шерсть на носу уже местами поседела. Когда Маргарет исполнилось десять лет, мать подарила ей на день рождения собаку, поскольку, в отличие от братьев, на ружье Мэгги вряд ли приходилось рассчитывать. Маргарет поставила на колени корзинку и в четырнадцатый раз проверила, все ли бумаги на месте.

– Да оставь ты в покое эту корзину! Кстати, а где сэндвичи, что положила туда Летти?

– Должно быть, я их выложила, когда носилась с корзинкой по дому. Прости, но утром у меня уже просто ум за разум заходил.

– Ладно, будем надеяться, что тебя покормят на борту.

– Она стала такой прожорливой, что им точно потребуется дополнительный корабль для ее еды.

– Дэниел!

– Папа, все нормально.

Сердитое лицо брата пряталось под отросшей челкой. Похоже, он не мог заставить себя посмотреть сестре прямо в лицо. Маргарет хотела погладить его по плечу, сказать, что все понимает и не держит на него зла, но боялась, что он снова ее оттолкнет, а у нее уже просто не оставалось моральных сил на очередную ссору – ведь вот-вот должен был пробить час расставания.

Летти возражала против того, чтобы он ехал. Считала, что его мрачный вид – дурной знак перед дальней дорогой.

«Вряд ли тебе будет приятно, если последним воспоминанием о семье станет вот такое лицо», – сказала она, когда Дэниел в очередной раз хлопнул дверью.

«Да нет, ничего страшного», – ответила Маргарет.

Летти только покачала головой и с удвоенной энергией принялась собирать продуктовую посылку, вес которой не должен был превышать двадцати пяти фунтов. Девушкам разрешили взять с собой именно столько продуктов питания, и, чтобы мать Джо, не дай бог, не подумала, будто ее новые австралийские родственники недостаточно щедрые, Летти все тщательно взвешивала и перевешивала, стремясь тютелька в тютельку уложиться в положенную норму.

Таким образом, приданое Маргарет среди прочего включало: запаянный в банку фирменный кекс Летти, бутылочку хереса, консервированный лосось, говядину и спаржу, а еще коробочку желейного печенья, рядом с которой Летти положила купоны на посещение универмага «Хордерн бразерз». Летти собиралась упаковать дюжину яиц, но Маргарет совершенно справедливо заметила, что даже если яйца и переживут дорогу до Сиднея, то после шести недель на борту корабля станут скорее угрозой для здоровья, чем благодеянием.

«Похоже, не только англичане сидят на голодном пайке», – посетовал Колм, питавший слабость к кексам своей тетки.

«Как аукнется, так и откликнется. Чем лучше мы с ними обойдемся, тем больше вероятность того, что они так же обойдутся с нашей Мэгги», – отрезала Летти. Затем ее

взгляд загуманился, и она убежала на другой конец кухни, вытирая глаза посудным полотенцем.

В последнее время она даже перестала делать укладку.

– Ваши документы.

Они наконец достигли ворот в порт Вуллумулу. Офицер в новенькой форме был преисполнен сознания важности сегодняшнего события. Он наклонился к окну, и Маргарет достала из корзинки пачку замусоленных бумаг.

Он провел пальцем по списку фамилий и, найдя нужную, махнул рукой, чтобы они проезжали.

– Все невесты к «Виктории». Причал номер шесть. Вам придется высадить ее здесь, у столба. Там негде припарковаться.

– Мы не можем, приятель. Посмотри на нее.

Офицер сунул голову в окно машины, затем оглядел толпу.

– Если вам повезет, вы сможете найти место вон там, слева. Указатели выведут вас к причалу. Там свернете налево и остановитесь за голубым столбом.

– Спасибо, приятель.

Офицер дважды постучал по крыше пикапа:

– Только постарайтесь никого не задавить. Здесь сейчас черт знает что творится.

– Сделаю что смогу. – Марри надвинул шляпу на лоб и поехал в сторону причала. – Хотя ничего не обещаю.

Пикап надрывно выл и рычал, когда Марри осторожно пробирался сквозь толпу, то и дело тормозя, чтобы не наехать на людей на дороге или, например, объехать мать, которая, ничего не замечая вокруг, с рыданиями прижимала к себе плачущую дочь.

– Да уж, это явно не коровы. У коров и то больше ума.

Он и в лучшие времена не любил толпу. Несмотря на то что Вудсайд находился относительно недалеко от Сиднея, на памяти Маргарет Марри был там от силы раз пять. Шумное, вонючее место, да к тому же кишашее мошенниками. Там невозможно пройти по прямой, жаловался он. И чтобы пробраться из точки «А» в точку «Б», нужно постоянно лавировать в потоке людей. Маргарет и сама не слишком любила большое скопление народу, но сегодня, как ни странно, толпа ее не раздражала, словно она была сторонним наблюдателем, не способным до конца оценить все значение того, что ей предстоит совершить.

– Ну, как у нас со временем? – поинтересовался Марри, в очередной раз заставив мотор работать вхолостую, чтобы пропустить вереницу людей, волокущих за собой набитые чемоданы и капризных детей.

– Папа, мы успеваем. Я же тебе говорила. Если хочешь, я могу здесь выйти и пойти дальше пешком.

– Можно подумать, я оставлю тебя одну в этом сумасшедшем доме!

Маргарет вдруг поняла, что на плечи отца давит колоссальный груз ответственности. И хотя Марри вовсе не радовало расставание с дочерью, он очень хотел, чтобы последние минуты перед разлукой прошли без сучка без задоринки.

– Здесь не больше двухсот ярдов, а я пока еще не инвалид.

– Мэгги, я дал обещание посадить тебя на корабль. Не рыпайся, – твердо произнес он, а Мэгги, как ни старалась, так и не смогла припомнить, кому это он дал подобное обещание.

– Туда! Смотри, папа! – Дэниел барабанил по стеклу и, оживленно жестикулируя,

показывал на представительского вида автомобиль, выезжавший с парковки.

– Правильно. – Марри стиснул зубы и завел мотор, распугивая идущих впереди людей. – Поберегись! – прорычал он и, опередив несколько нацелившихся туда машин, уже через секунду занял освободившееся место. – Вот так! – Он выключил зажигание и повернулся к дочери. – Вот так, – повторил он уже менее уверенно.

Она взяла его за руку и сказала:

– Я знала, что ты доставишь меня в лучшем виде.

Корабль был гигантским. Вытянувшийся во всю длину причальной стенки, он заслонял собой небо и море, так что люди, осаждавшие ограждения, чтобы еще раз попрощаться с уезжавшими девушками, видели только плоские серые поверхности. Он казался таким огромным, что у Маргарет перехватило дыхание.

На бортах были установлены орудийные башни, выступавшие словно балкончики. На полетной палубе, не слишком хорошо видной издали, расположились самолеты трех типов: «корсары», «файрфлаи» и, должно быть, «валруссы». Маргарет, которую брат заразил своим увлечением авиацией, могла назвать их все до одного. На борту уже находилось около сотни девушек, они стояли на полетной палубе, сидели на орудийных башнях, махали с мостика и на фоне махины авианосца казались совсем крошечными. В туго завязанных на голове шарфах они зябко кутались в пальто, ежась под порывами сердитого морского ветра. Некоторые выглядывали из иллюминаторов, чтобы беззвучно сказать «прощай» оставшимся внизу. Но расслышать хоть что-нибудь в этом адском грохоте было нереально.

Слева играл духовой оркестр. Маргарет узнала «The Maori's Farewell» и «Bell-bottomed Trousers», насколько можно было различить в стоявшем вокруг гвалте. Она увидела, как вниз по трапу сводят какую-то рыдающую девушку, к ее пальто прилипли длинные полосы разноцветного серпантина.

– Она передумала, – услышала Маргарет слова одного из офицеров. – После того, как ее отвели к остальным в ангар.

Маргарет не позволила легкому беспокойству перерасти в нечто большее, поскольку прекрасно знала, как легко можно взвинтить себя до истерического состояния.

– Нервничаешь? – спросил отец. Он тоже заметил ту девушку.

– Не-а, – ответила она. – Мне просто не терпится снова увидеть Джо.

Похоже, отца вполне удовлетворил ее ответ.

– Твоя мама могла бы тобой гордиться.

– Мама сказала бы, что мне следовало бы надеть что-нибудь понаряднее.

– И это тоже. – Он слегка пихнул ее в бок, она ответила ему тем же, а затем поправила шляпку.

– Есть еще невесты? – Мимо них протискивалась представительница Красного Креста с блокнотом в руках. – Невесты, пора на посадку. Приготовьте ваши документы.

Каждую девушку, поднимающуюся по трапу, осыпали серпантинном, а докеры – то ли в шутку, то ли нет – кричали им вслед: «Ты еще пожалеешь!»

Отец понес ее чемодан на таможню. Она отыскала глазами младшего брата, он стоял спиной к кораблю, демонстративно от нее отвернувшись.

– Ты там присмотри за моей кобылой, Дэниел. – Теперь ей уже приходилось кричать. – Даже близко не подпускай к ней наших тяжеловесов. – (Он упорно глядел себе под ноги, отказываясь поднять на нее глаза.) – И постарайся не снимать с нее уздечку. Сейчас она уже

не дергает. И вообще, погоняй ее подольше, только следи за тем, чтобы у нее рот оставался мягким.

– Дэниел, ответь своей сестре, – подтолкнул его локтем отец.

– Ладно.

Маргарет бросила взгляд на худые плечи Дэниела, на его угрюмое лицо, которое он упрямо от нее отворачивал. Девушку переполняло желание обнять брата, сказать ему, как сильно она его любит. Но он находил беременность сестры просто отвратительной, а узнав о том, что она уезжает, вообще перестал с ней общаться. Словно считал, что всему виной не Джо, к которому она уезжала, а вот этот большой живот.

– Ну что, не хочешь пожать мне руку?

В воздухе повисла длинная пауза, которую в любую секунду мог грубо нарушить отец, затем Дэниел все же протянул руку и, обменявшись с сестрой коротким рукопожатием, поспешно отдернул ее.

– Я напишу, – сказала она. – И очень советую все же ответить, черт бы тебя побрал!

Брат промолчал.

Затем к ней подошел отец и крепко обнял:

– Передай своему мужу, чтобы присматривал за тобой. – Он уткнулся носом ей в волосы, голос его звучал совсем глухо.

– Папа, и ты туда же. – От его парадного пиджака пахло нафталином, а еще коровами и сеном. – У вас все будет хорошо. А Летти приглядит за вами лучше, чем я.

– Ну, это как раз нетрудно, – натужно пошутил отец, а Мэгги только крепче прижала его к себе. – Я желаю... Я желаю...

– Папа... – остановила она отца.

– Ладно. – Он резко отстранился и огляделся по сторонам, будто мысленно был уже далеко. Потом тяжело сглотнул. – Пожалуй, тебе пора на посадку. Хочешь, понесу твои вещи?

– Я справлюсь.

Самую большую сумку она повесила на плечо, корзинку и продуктовую посылку сунула под мышку. Сделала глубокий вдох и повернулась в сторону корабля.

– Держись, девочка! Учти, сначала надо пройти таможенный досмотр, – остановил ее отец.

– Что?

– Таможню. Прежде чем посадить на корабль, они сперва всех посылают туда.

Она проследила за его рукой и увидела на пристани здоровенный ангар из рифленого железа.

– Так говорили женщины из Красного Креста. Сначала таможня.

Какие-то две девушки разговаривали с офицерами на входе. Один из них со смехом показывал на ее сумку.

Отец бросил на Мэгги обеспокоенный взгляд:

– Все в порядке, девочка? Ты почему-то ужасно побледнела.

– Пап, я не могу, – прошептала она.

– Я тебя не слышу, девочка. Что случилось?

– Папа, я неважно себя чувствую.

– В чем дело? Может, хочешь присесть?

– Нет... Слишком много народу. У меня кружится голова. Скажи им, чтобы сразу посадили меня на корабль. – Она закрыла глаза. Потом услышала, как отец что-то отрывисто

бросил Дэниелу, и тот сразу рванул с места.

И через несколько минут рядом с ней уже стояли два морских офицера.

– Вы в порядке, мэм?

– Мне просто надо поскорее подняться на борт.

– Хорошо. А вы уже прошли...

– Послушайте! Вы же видите, что я в положении. Мне нехорошо. Ребенок давит на мочевого пузырь. Я боюсь оконфузиться. И больше ни минуты не могу оставаться в этой толпе. – У нее на глаза навернулись слезы отчаяния, и она заметила, что они смутились.

– Это совсем на нее не похоже, – озабоченно произнес отец. – Вообще-то, она сильная девочка. И до сих пор еще не падала в обморок.

– Ну, у нас уже несколько случаев было. Всему виной суматоха, – заявил один из офицеров. – Мы посадим ее на корабль. Позвольте ваши вещи, мэм.

Она отдала им сумку и продуктовую посылку, на оберточной бумаге виднелись пятна от ее потных рук.

– С ней все будет хорошо? На судне есть доктор? – наклонился к ним отец, его лицо сразу вытянулось.

– Да, сэр. Успокойтесь, пожалуйста. – (Мэгги почувствовала, что отец боится от нее отойти.) – Простите, сэр. Дальше вам нельзя.

Один из офицеров потянулся к ее корзинке:

– Разрешите, я понесу.

– Нет, – резко сказала она, прижимая корзинку к себе. – Нет, спасибо, – добавила она и попыталась улыбнуться. – Здесь все мои документы и вещи. И я ужасно боюсь их потерять.

– Вы, возможно, правы, мэм. Сегодня не самый подходящий день, чтобы что-то терять.

Они взяли ее под руки и стали протискиваться к кораблю. В отличие от самого корабля, произвольно отметила она, трап выглядел довольно ветхим, деревянные ступеньки изъедены морской водой и стерты подошвами множества ног.

– Тогда прощай, Мэгги! – окликнул ее отец.

– Папа.

Неожиданно ей показалось, что все происходит слишком быстро. Она не чувствовала себя готовой. Она попыталась послать свободной рукой воздушный поцелуй в последней попытке передать то, что она чувствует.

– Дэн?! Дэниел?! Где же он?! – Отец резко обернулся, ища глазами сына. Потом махнул дочери, чтобы та подождала, но толпа напирала, затягивая его.

– Я так толком и не попрощалась.

– Чертов мальчишка! – Отец почти плакал. – Дэн! Уверен, он хочет сказать «до свидания». Послушай, ты только не обращай внимания...

– Мэм, нам действительно пора, – сказал один из офицеров.

Маргарет посмотрела сначала на него, затем – на таможенный ангар. Она неуверенно ступила на трап. Стоящий сзади офицер произвольно подтолкнул ее тяжелой сумкой.

– Не могу его найти, родная! – крикнул Марри. – Не знаю, куда он запропастился.

– Папа, передай ему, что все нормально. Я понимаю. – Она видела, что отец чуть не плачет.

– Ты еще пожалеешь! – лукаво ухмыльнулся портовый рабочий в низко натянутой на лоб шапке.

– Береги себя! – заорал отец. – Ты меня слышишь? Береги себя! – Голос отца становился

все тише, и вот уже его лицо, а затем и тулья поношенной шляпы исчезли в людском водовороте.

Старший помощник командира корабля, или старпом, как его называли члены команды, трижды попытался привлечь его внимание. Чертов мужик продолжал торчать здесь, подпрыгивая на месте, ну точь-в-точь ребенок, которому срочно нужно пи-пи.

Добсон. Как всегда, чуть более неформальный, чем того требуют обстоятельства. Капитан Хайфилд, настроение которого оставляло желать лучшего, был решительно настроен его игнорировать. Он отвернулся и позвонил в машинное отделение.

От сырости у него разболелась нога. Чтобы дать ей немного отдохнуть, он перенес тяжесть тела на здоровую ногу, приняв несвойственную ему кривобоковую позу. Капитан был коренастым мужчиной, но за годы службы выработал бравую выправку, которую совершенно непочтительно постоянно передразнивали на нижних палубах.

– Хокинс, сообщите мне о состоянии левого двигателя. Все еще не работает?

– Сэр, я уже послал вниз двух человек. Мы надеемся запустить его минут через двадцать или около того.

Капитан Хайфилд облегченно вздохнул:

– Вы уж постарайтесь, ребята. Иначе, чтобы выйти на открытую воду, нам понадобятся еще два буксира, что сегодня совсем нежелательно. Так?

– Да уж, не хочется оплошать на глазах у жителей нашей бывшей колонии в тот момент, когда мы увозим их дочерей.

– Мостик, рулевая рубка, рулевой Коксвейн.

– Очень хорошо, Коксвейн. Держите курс один-два-ноль. – Капитан Хайфилд отошел от переговорной трубы. – Ну, что еще?

Добсон замялся:

– Я... согласен с вами, сэр. Мы хотим произвести совсем другое впечатление...

– Ну да. Хотя это не ваша забота, Добсон. Чего вам там от меня нужно?

Вся гавань лежала перед ними как на ладони: растянувшиеся вплоть до сухих доков многотысячные толпы людей, развевающиеся флаги внизу, медленно поднимающиеся по трапу одна за другой женщины. Хайфилд даже застонал про себя.

– Я пришел доложить о личном составе, сэр. У нас до сих пор не хватает нескольких человек.

Капитан Хайфилд посмотрел на часы:

– В это время? И сколько отсутствует?

Добсон сверился со списком:

– На данный момент человек шесть.

– Твою мать! – Капитан Хайфилд ударил по циферблату. Выход в море превращался в самый настоящий фарс. – И чем, скажите на милость, занимались ночью ваши люди?

– Похоже, гуляли в каком-то кабаке, сэр. Некоторые вернулись в хорошем подпитии, а некоторые были просто никакие. Один остутился на трапе и исчез в тумане. Это еще счастье, что Джонс и Моррис несли вахту, сэр, а иначе мы бы и его потеряли. Но шесть все равно отсутствуют.

Хайфилд посмотрел вниз.

– Чертов бардак! – сказал он. Но те, кто стоял рядом, прекрасно понимали, что ярость его вызвана не только отсутствием шести человек. – Шестьсот дрожащих девиц смогли

вовремя подняться на борт, а наши лучшие из лучших – нет.

– Есть кое-что еще. Четырьмя невестами уже занимается Красный Крест.

– Что?! Они ведь всего пять минут на борту.

– Мы говорили, что надо осторожнее проходить через люки. А они не слышали.

Наверное, очень волновались. – Добсон хлопнул себя по лбу, показывая, что это самая распространенная травма на борту судна. – Одной, похоже, надо наложить швы.

– Покажите ее хирургу.

– Хм... Дело в том, что... он... в числе отсутствующих.

На мостике повисла тяжелая тишина. Моряки ждали продолжения.

– Двадцать минут, – наконец произнес Хайфилд. – Ждем, пока не заработает левый двигатель. После этого можете отдать приказ, чтобы начали выгружать личные вещи тех шестерых. Я не собираюсь задерживать из-за них судно. Только не сегодня.

Облокотившись о перила, Эвис поправила новую шляпку. Джин, оседлавшая орудийную башню, устроила целый спектакль. У нее случилась самая настоящая истерика, она наоралась до хрипоты на радость зевакам и в результате уселась, бессильно положив руки на плечи двум матросам, словно здорово напилась и теперь нуждалась в посторонней помощи. Хотя, возможно, она и *вправду* напилась, от девиц такого сорта можно ожидать чего угодно, подумала Эвис. Именно поэтому, когда полчаса назад они поднялись на борт, Эвис поспешила дистанцироваться от Джин.

Она оглядела плиссированную юбку своего нового костюма. Да уж, ее одежда была подобрана безупречно, особенно на фоне остальных. Родители не смогли ее проводить, но прислали телеграмму и немного денег, а мама позаботилась о том, чтобы утром в отель доставили новый костюм. Эвис страшно переживала из-за того, что не знала, как в таких случаях положено одеваться. Теперь же, хорошенько разглядев по крайней мере сотню других девушек, одетых совершенно неподобающим образом, Эвис поняла, что зря волновалась.

Корабль оказался обшарпанным. Эвис сфотографировалась, дала интервью обозревателю светской хроники «Бюллетеня», обменялась рукопожатием с каким-то мужчиной, наверное капитаном корабля, но факт оставался фактом: «Виктория» местами проржавела и так же мало напоминала «Куин Мэри», как Джин – свою тезку Джин Харлоу^[11]. А когда Эвис поднималась по шаткому трапу, ей в нос ударил слабый, но отчетливый запах вареной капусты, что лишний раз свидетельствовало о второсортности корабля.

И все же никто не осмелился бы упрекнуть Эвис в отсутствии силы духа. Вот уж нет. Она расправила плечи и заставила себя переключиться на то, что ждало ее впереди. Через шесть недель она узнает, какой будет новая жизнь. Встретится с его родителями, выпьет чая в доме викария, познакомится с дамами из романтической английской деревушки, а возможно, даже со старым герцогом и с герцогиней. Эвис представят его друзьям детства – тем, кто не служит в Королевских ВВС. Она начнет обустривать их дом.

Она наконец-то станет миссис Иэн Рэдли, а не просто Эвис или, как обычно говорила мама: «Ох уж эта Эвис...», которая хоть и вышла замуж, но, по мнению своей семьи, заслуживала уважения и серьезного к себе отношения не больше, чем тогда, когда была ребенком.

– Ты только посмотри на нее!

Эвис бросила взгляд на палубу: Джин соскользнула с орудийной башни и, хихикая,

повисла на одном из матросов, нижняя юбка задралась, зацепившись за пуговицу на его кармане, открыв взорам желающих то, что обычно не принято показывать. Эвис собралась было сделать Джин замечание, но неожиданно палуба под ногами слегка завибрировала. Должно быть, запустили двигатели, но кругом стоял такой гвалт, что никто этого и не заметил. Перегнувшись через борт, она с удивлением обнаружила, что трап уже убрали. Затем послышались какие-то крики, и она увидела, как лебедка поднимает несколько матросов, очевидно упустивших возможность подняться на борт обычным путем. Они громко смеялись и улюлюкали, на лицах виднелись следы губной помады. Скорее всего, парни были пьяны в стельку.

Какой позор, подумала Эвис не в силах сдержать улыбку, когда опоздавших бесцеремонно выгрузили на летнюю палубу. Облепившие огромный корабль буксирные суда, натужно кряхтя, пытались вывести его из гавани. Женщины взволнованно переговаривались и еще более усердно махали рукой, надрывая голосовые связки в надежде, что их последнее послание будет услышано в стоящем кругом грохоте.

– Мама! – услышала Эвис у себя за спиной истерические крики. – Мама! Мама!

Какая-то девушка рядом отчаянно молилась, внезапно прервав общение с Господом яростным восклицанием:

– Поверить не могу! Поверить не могу!

Толпа – море австралийских флагов и только кое-где «Юнион Джек»^[12] – бурлила и кипела, люди пытались пробиться поближе к краю причала, подпрыгивали на месте, чтобы их увидели с корабля. Кто-то поднял над головой плакаты типа: «Попутного ветра, Одри», «Наилучшие пожелания от докеров Гарден-Айленда». Эвис поймала себя на том, что рассматривает порт и окружающие его горы. Вот и все, промелькнуло у нее в голове, и ей вдруг стало трудно дышать. Неужели я последний раз вижу Австралию? Затем серпантин с треском лопнул, его обрывки бессильно повисли с ограждения причала, и корабль с протяжным стоном вышел из гавани, сразу осев на несколько градусов, когда поняли якорь.

Над палубой пронесся дружный вздох. Двигатели заработали. Пронзительно закричала какая-то девушка, а расположившийся на причале духовой оркестр заиграл «Waltzing Matilda»^[13].

Туда, где только что стоял корабль, с унылым всплеском упало несколько предметов, голубые воды расступились и снова сомкнулись над ними. А корабль – абсолютно равнодушный к творящемуся кругом безумию – на удивление быстро выскользнул из гавани.

– Ты еще пожалеешь! – раздался одинокий крик, перекрывший музыку. Что прозвучало как неуместная шутка. – Вы все пожалеете!

И пассажиры корабля тотчас же притихли. А потом зарыдала первая девушка.

Марри Донливи, обняв своего всхлипывающего сына, молча стоял, переживая, когда рассосется толпа и горестный плач женщин растает вдаль. Наконец рядом осталось только несколько одиноких кучек людей, они молча провожали взглядом уходящий за горизонт корабль. Холодало, и Дэниел дрожал всем телом. Марри снял пиджак, накинул на плечи сына, затем притянул его к себе, чтобы хоть чуть-чуть согреть.

Время от времени Дэниел поднимал голову, словно собирался что-то сказать, но не мог найти нужных слов, а потом снова начинал всхлипывать, стыдливо закрывая лицо руками.

– Не переживай, мой мальчик, – прошептал Марри. – Сегодня у нас выдался трудный денек.

Их машина в числе последних уныло стояла посреди валяющихся в грязи серпантина и конфетных оберток. Марри подошел к пикапу со стороны водителя, но замешкался, увидев, что сын, будто приросший к месту, смотрит на него в упор.

– Ну что, успокоился, сынок?

– Папа, как думаешь, она меня ненавидит?

Марри вернулся к Дэниелу и снова обнял его.

– Нельзя быть таким чертовски мягкотелым! – Марри взъерошил сыну волосы. – Она еще не успеет сойти с корабля, как уже начнет хлопотать, чтобы ты к ней приехал.

– Куда, в Англию?

– А почему бы и нет? Продолжай копить деньги за кроликов и в два счета сможешь полететь к ней. Ведь жизнь не стоит на месте!

Мальчик задумчиво смотрел в никуда. На секунду он перенесся в мир дорогих кроличьих шкурок и огромных самолетов.

– Я могу полететь туда, – задумчиво повторил он.

– Вот я и говорю, малыш. Копи деньги. А при твоих темпах ты за нас за всех сможешь заплатить.

Дэниел улыбнулся, и у отца заболело сердце при виде того, как мужественно сын принимает вот уже вторую потерю. Должно быть, именно это испытывали женщины во время войны, подумал он, залезая в пикап. Хотя женщины не знали, вернемся мы назад или нет. Позаботься о ней, обратился он к кораблю с молчаливой просьбой. Присмотри за моей девочкой!

Они еще немного посидели в машине, наблюдая, как выходят люди из ворот порта. Опустевшая площадь теперь казалась огромной. Тем временем поднялся ветер, он закружил и понес разбросанные бумажки в сторону моря, где на них накиннулись чайки. Марри вздохнул, неожиданно осознав, что им еще предстоит долгий путь домой.

– Папа, она забыла сэндвичи. – Дэниел поднял сверток из промасленной бумаги, который Летти приготовила сегодня утром. – Они лежали здесь, на полу. Она оставила свой ланч.

Марри нахмурился, пытаясь вспомнить ее слова о забытом дома завтраке. Ну ладно, подумал он. Должно быть, она ошиблась.

– Ох уж эти беременные! Все у них не слава богу. Норин была точно такой же.

– Папа, а можно мне их съесть? Умираю с голоду.

Марри вставил ключ в замок зажигания:

– Почему бы и нет. Ей они теперь без надобности. Знаешь что, оставь-ка и для меня один.

И тут начался ливень. Серое небо, хмурившееся все утро, наконец пролилось дождем, хлеставшим о ветровое стекло. Марри завел мотор и медленно отъехал от причала. Неожиданно он ударил по тормозам, да так, что Дэниела бросило вперед, его сэндвич вывалился изо рта прямо на приборную доску.

– Подожди-ка, – сказал Марри, вспомнив о пустой корзинке и о том, что дочь подозрительно торопилась поскорее подняться на борт. – А где эта чертова собака?

Австралийская невеста не успела к отплытию «Викториеса» из-за предъявленных ей обвинений, которые вскоре были сняты. Ее немедленно выпустили и на полицейской машине доставили на причал номер три в Вуллумулу, но корабль с невестами на борту уже вышел в море.

Сидней мониторинг геральд. 4 июля 1946 года

Первый день плавания

Длина авианосца «Виктория» составляла семьсот пятьдесят футов, а вес – двадцать три тысячи тонн, на корабле было девять палуб под полетной палубой и четыре – над ней, мостик и остров^[14] находились на головокружительной высоте. Даже без учета специально организованных кают для невест, гигантское чрево корабля включало двести различных помещений, складов и отсеков, по размеру сравнимых с несколькими универмагами или кондоминиумами для состоятельных людей. Или, в зависимости от того, откуда приехали невесты, с несколькими огромными амбарами. Длина одних только ангаров, где разместили, кормили и развлекали большинство невест, достигала пятисот футов, они располагались на том же этаже, что и столовые, душевые, каюта капитана и четырнадцать-пятнадцать просторных кладовых. Все помещения соединялись между собой узкими проходами, и если перепутать палубы, то вместо уборной для невест можно было попасть в авиаремонтные мастерские или кают-компанию для инженеров – ситуация, не раз вызывавшая краску на девичьих лицах. Кто-то повесил план корабля в столовой для невест, и Эвис уже неоднократно пыталась его изучить, раздраженно пробираясь сквозь дебри таких названий, как «овощехранилище», «помещение для укладки парашютов», «патронный погреб для зенитных орудий „пом-пом“», хотя вместо них предпочла бы видеть бальные залы и каюты первого класса. Это был плавучий мир запутанных правил и предписаний, упорядоченной, но непонятной рутины, перенаселенный дом с лабиринтом помещений с низкими потолками, отсеков и коридоров, большинство из которых вело в места, не предназначенные для женщин. Корабль казался огромным, но в то же время очень тесным, шумным – особенно для тех, кого поместили возле машинного отделения, – обшарпанным и набитым под завязку щебечущими девушками и мужчинами, пытающимися без особого энтузиазма делать свое дело. Из-за бесчисленного числа снующих кругом людей и странного расположения трапов проход по палубе иногда занимал чуть ли не полчаса, причем, чтобы пропустить идущего навстречу человека, приходилось прижиматься или к нему, или к переборкам со множеством труб.

И Эвис так и не удалось отделаться от Джин.

Узнав, что их разместили в одной каюте – надо же, на корабле более шестисот невест, а Джин подселили именно к ней! – Джин взяла на себя несвойственную ей роль Лучшей Подруги Эвис. Эта девица предпочла забыть о их взаимной антипатии, возникшей во время посиделок в Клубе американских жен, и последние двадцать четыре часа буквально ходила

за Эвис хвостом, вклиниваясь в ее разговоры с другими девушками, чтобы заявить о своих правах на их с Эвис общую историю жизни в Сиднее.

Эвис приходилось терпеть назойливость Джин и когда они обе сидели за ранним завтраком – «Эвис! А помнишь ту девицу, которая все вещи шила исключительно обметочным стежком? Даже нижнее белье!», – и когда гуляли по палубе, пытаясь сориентироваться, – «Эвис! А помнишь наши ожерелья из колец для куриных лап? У тебя оно сохранилось?», – и когда стояли в плотной очереди в туалет – «Эвис! Это что, комплект белья, который ты надевала в первую брачную ночь? Слишком шикарно для каждого дня... Или ты хочешь кого-то впечатлить, а?». Эвис понимала, что должна быть помягче с Джин, тем более что той, как она недавно выяснила, всего шестнадцать, – и все-таки! Девица оказалась ужасно докучливой.

Более того, Эвис отнюдь не была уверена, что Джин отличается особой правдивостью. Так, во время разговора за завтраком Джин поделилась своими планами получить работу в универмаге, где тетка ее мужа занимала какую-то административную должность.

– Как ты сможешь работать? Мне казалось, ты ждешь ребенка, – холодным тоном произнесла Эвис.

– Выкидыш, – беспечно бросила Джин. Эвис наградила ее тяжелым, недоверчивым взглядом. – Очень печальная история, – поспешно добавила Джин и, помедлив, сказала: – Как тебе кажется, можно мне попросить еще одну порцию бекона?

Джин, отметила про себя Эвис, преодолевая последний лестничный пролет, практически не упоминает своего мужа Стэнли. Безусловно, и ей самой не мешало бы почаще говорить об Иэне, но всякий раз, как она заводила разговор о муже, Джин тут же пыталась добиться от нее непристойных откровений: «А ты позволила ему сделать это самое до первой брачной ночи?» Или еще хуже: «А ты испугалась, когда в первый раз увидела... ну, ты понимаешь... когда у него встало торчком?» Наконец Эвис оставила попытки с ходу отделаться от Джин. Хотя в одиннадцать все девушки соберутся на полетной палубе, чтобы выслушать приветственную речь капитана, и затеряться в толпе из более чем шестисот женщин будет гораздо проще. Ведь так?

– А тебя вдохновляет перспектива идти на одну из этих лекций? – крикнула Джин, когда они проходили мимо киноаппаратной. – На следующей неделе нам собираются рассказать о некоторых особенностях брака с иностранцем. – Ее голос – уже в который раз за сегодняшнее утро – заглушил и шум двигателей, и передаваемые по громкой связи приказы старшине Гарднеру или дежурным матросам явиться на командный пункт. Эвис сделала вид, что не слышит. – Допускаю, что кто-то, может, и испытывал трудности в первый год, – продолжила Джин. – Но только не я. Ведь мужа вообще со мной не было.

– Команда авианосца «Виктория» сделает все от нее зависящее, чтобы ваша поездка в Соединенное Королевство доставила вам удовольствие... И в то же время вы не должны забывать о том, что вам предоставлена привилегия считаться пассажирами не просто авианосца, а одного из кораблей его величества. И жизнь на борту регулируется правилами внутреннего распорядка.

Маргарет стояла на полетной палубе, в третьем ряду выстроившихся невест, которые сопровождали речь капитана нервным хихиканьем. Надо же, подумала она, он движется так, будто рукава его кителя пришили к туловищу.

Море – искрящая голубая гладь – выглядело на редкость мирным и безмятежным, и

палуба, размером с поле в добрых два акра, практически не дрожала. Маргарет украдкой озиралась по сторонам, с удовольствием вдыхая соленый морской воздух и ощущая на коже принесенные морским ветром капельки воды. С тех пор как накануне днем подняли якорь, она впервые испытала сладостное чувство свободы. Девушка опасалась, что испугается, когда земля исчезнет из виду, но нет, она наслаждалась бескрайними океанскими просторами и гадала – без страха, но с живым интересом, – что же лежит под поверхностью воды.

На обоих концах палубы, отражаясь в лужицах морской воды, расположились самолеты. Эти стальные птицы устремили в небо блестящие носы, словно в любую минуту были готовы взлететь. Между ними, у основания башни, носящей название «остров», стояли моряки в робах и наблюдали за девушками.

– Каждый человек на борту кораблей его величества подчиняется дисциплинарному уставу Военно-морских сил, что категорически запрещает употребление крепкого алкоголя, вина или пива, а также любые азартные игры. Курение поблизости от самолетов категорически запрещено. И самое главное, категорически запрещается отвлекать моряков от исполнения служебных обязанностей. Разрешено посещать практически все помещения на корабле, за исключением кубриков, если это не мешает работе личного состава.

Некоторые девушки сразу завертели головой, и один из матросов им подмигнул. По женским рядам пробежал сдержанный смешок. Маргарет перенесла тяжесть тела на другую ногу и вздохнула.

Джин, одна из девушек, которых поселили вместе с ней, проскользнула на свободное место перед Маргарет через две минуты после того, как капитан начал свою речь, и теперь стояла в небрежной позе, грызя ногти. Этим утром она буквально излучала жизнерадостность и болтала без умолку о корабле и о своих новых туфлях. Все, что в данную минуту приходило ей в голову, тут же обрушивалось на ее новых товарок. Однако, по мере того как суровый капитан зачитывал длиннющий список возможных прегрешений, Джин скисала прямо на глазах, а ее энтузиазм постепенно испарялся.

– Возможно, вы слышали от других невест, что они могли высадиться в портах на пути следования судна. Но вы должны усвоить, что находитесь на военном корабле и сойти на берег вам не удастся. Вероятно, такая возможность представится в Коломбо, а затем в Бомбее, если, конечно, позволит международная обстановка, но ничего обещать не могу. И хочу добавить, что те из вас, кто не вернется на корабль в установленное время, останутся на берегу. – Капитан обвел равнодушным взглядом лица девушек. – При наличии каких-либо жалоб обращайтесь к дежурному офицеру женской вспомогательной службы, и она доложит одному из помощников капитана. Кстати, женщинам запрещено посещать следующие помещения: кубрики и кают-компании матросов, каюты и кают-компании офицеров – те, что расположены под ангарной палубой и над полетной палубой, оружейные точки, галерейные палубы и шлюпки. Чуть позднее вам всем раздадут подробное руководство в виде буклета. Мне хотелось бы, чтобы, изучив буклет, вы досконально следовали изложенным там предписаниям. И предупреждаю: тех, кто нарушит установленные правила, ждут серьезные неприятности.

Капитан закончил – и на палубе воцарилась мертвая тишина. Маргарет вспомнила о своей каюте на ангарной палубе и почувствовала, что краснеет. Неподалеку от нее заплакала какая-то девушка.

– На борту находятся шесть офицеров из женской вспомогательной службы, они будут помогать вам во время плавания. – При этих словах он показал на группу стоявших возле

«корсаров» женщин, которые выглядели не менее угрюмыми и преисполненными собственной значимости, чем сам капитан. – Каждая женщина из вспомогательной службы отвечает за определенную группу кают, она всегда придет вам на помощь. – Капитан обвел девушек из переднего ряда тяжелым взглядом. – Офицеры женской вспомогательной службы будут по ночам совершать обход кают.

– И изгадят мне все вечерние развлечения, – под сдавленный смех стоявших рядом прошептала соседка Маргарет.

– Точно так же, как женщинам запрещается посещать места расположения личного состава, мужчинам не разрешается находиться в женских каютах и местах общего пользования, за исключением случаев, когда это необходимо для выполнения их служебных обязанностей. Еще раз я хочу напомнить вам, что дежурные офицеры из женской вспомогательной службы будут совершать ночные обходы.

– А непослушных девочек заставят идти с завязанными глазами по доске, – произнес кто-то.

В ответ снова раздался приглушенный, но отчетливый взрыв смеха, словно кто-то открыл запорный клапан.

– Бог его знает, за кого он нас принимает, – теребя брошь, произнесла соседка Маргарет.

Похоже, пространная речь капитана все же подходила к концу. Капитан бросил взгляд на прикрепленный к буклетам листок бумаги, очевидно раздумывая, не пора ли закругляться. Через пару секунд он поднял голову:

– Меня также просили сообщить вам, что... маленький парикмахерский салон... – У капитана окаменела челюсть. – Организован за прачечной, примыкающей к каюте В. Парикмахерскую будут обслуживать волонтеры из числа пассажиров, если кто-нибудь из них... сможет предложить свои услуги.

Он снова проверил свои записи, затем наградил девушек полным усталого презрения холодным взглядом.

– На редкость дружелюбная личность, – еле слышно произнесла Маргарет.

– У меня такое чувство, будто я снова вернулась в школу, – прошептала стоявшая впереди нее Джин. – Только здесь меньше мест для курения.

Хайфилд посмотрел на выстроившихся перед ним женщин. Они перешептывались, суетились, подталкивали друг друга локтем, проявляя явную неспособность стоять смирно, чтобы выслушать правила и предписания, согласно которым им предстоит жить следующие шесть недель. За последние двадцать четыре часа он еще отчетливее увидел все опасности и еще яснее понял, что затея была абсолютно провальной. Ему даже захотелось отправить Макманусу телеграмму: «Вот видите! А я ведь предупреждал, что так и будет». Некоторые девицы были на грани истерики и не знали, то ли смеяться, то ли плакать. Другие уже вовсю шастали по кораблю, терялись в проходах между палубами, забывали пригнать голову и в результате получали травмы, мешали личному составу и даже останавливали матросов, как давеча утром одна вертихвостка, чтобы спросить, где тут дают мороженое. И в довершение всего, когда он шел по верхней галерейной палубе, то внезапно очутился в облаке тончайшей взвеси, причем не авиационного топлива, а женских духов. Духи! Им оставалось только заменить флаг корабля на нижнее белье – и дело сделано!

И хотя поведение личного состава не особенно изменилось, капитан знал, что это только вопрос времени, когда женщины станут главным предметом разговора в кубриках и

кают-компаниях офицерского состава и даже матросов. Он буквально ощущал присутствие в воздухе едва уловимого беспокойства. Так собаки нюхом чувствуют приближение грозы.

Возможно, дело просто в том, что после смерти Харта все пошло наперекосяк. Моряки потеряли ту жизнерадостную целеустремленность, что была характерна для них последние девять месяцев в Тихом океане. Те, кому удалось выжить, пребывали в мрачном настроении, вступали в пререкания и нарушали субординацию. Капитан уже неоднократно замечал, что моряки недовольно бурчат, и невольно задавался вопросом, винят ли они в случившемся именно его. Он закончил речь и привычно заставил себя выкинуть из головы неприятные мысли. Женщины выглядели крайне вызывающе. Слишком яркие цвета, слишком длинные волосы. И теперь по всему судну разбросаны шарфы. А ведь его корабль всегда был образцом порядка и монохромности – только серое и белое. Любое нарушение этой цветовой гаммы выбивало из колеи: у него возникало такое чувство, будто кто-то выпустил рядом с ним стаю экзотических птиц, а потом оставил их щебетать и хлопать крыльями, создавая настоящий хаос. И боже правый, некоторые женщины были даже в туфлях на высоком каблуке!

Не то чтобы я не любил женщин, уже в который раз за этот час думал он. Просто всему свое время и свое место. Он был адекватным человеком. И не считал подобную точку зрения неразумной.

Он сунул буклет под мышку и внезапно заметил нескольких матросов, которые топтались возле цепей, крепивших самолеты к палубе.

– У вас что, других дел нет, черт возьми! – пролаял он, развернулся на каблуках и быстрым шагом направился в рубку.

Дорогой Джо!

Ну вот я и на «Виктории» вместе с другими невестами. И теперь могу сказать со всей определенностью: море не для меня. Здесь ужасно тесно, даже на таком большом корабле, и куда бы ты ни шел, непременно натыкаешься на людей. Совсем как в городе, только гораздо хуже. Ты, наверное, к этому привык, а вот я уже мечтаю о полях и пустошах. Прошлой ночью мне даже приснились папины коровы...

Наша каюта, как, впрочем, и остальные, похоже, находится там, где была шахта элеватора для подъема самолетов. Я делю ее с тремя девушками, которые вроде бы вполне ничего. Одной из них, Джин, всего шестнадцать. И можешь себе представить, она здесь еще не самая молодая! На борту находятся две пятнадцатилетние девчушки – обе замужем за англичанами и обе путешествуют без сопровождающих. Даже представить страшно, что сказал бы папа, если бы я в этом возрасте выскочила замуж, даже за тебя, дорогой. А еще с нами в каюте есть девушка, работавшая в Австралийском главном военном госпитале на островах Тихого океана, но она все время молчит. И еще одна, такая светская штучка. Не могу сказать, будто между нами есть много общего, хотя мы все хотим одного и того же.

Одна невеста не успела сесть на корабль в Сиднее, и ее самолетом отправляют во Фримантл, а оттуда она поплывет вместе с нами на «Виктории». Так что, похоже, нельзя сказать, что ВМС не делают всего возможного, чтобы доставить нас к вам.

Моряки очень дружелюбные, хотя нам и не разрешается отвлекать их

разговорами. Некоторые девчонки ведут себя страшно глупо при встрече с ними. Если честно, можно подумать, что они в жизни не видели мужчин, кроме своего мужа. Капитан успел зачитать нам закон об охране общественного порядка, как надо пользоваться водой и что лучше вообще ею не пользоваться. Пришлось утром обтереться фланелевой тряпочкой. Я часто о тебе думаю, и меня утешает мысль, что, возможно, в эту самую минуту мы плывем по одному и тому же океану.

Джо-младший, уверена, передает тебе большой привет. Лягается, как мул, когда я пытаюсь заснуть!

Твоя Мэгги

Но было и то, о чем Маргарет не стала рассказывать Джо. О том, что первую ночь она провела без сна, прислушиваясь к звяканью цепей, хлопанию дверей вверху и внизу, истерическому хихиканью других женщин за тонкими переборками и к своим ощущениям от движения гигантской махины похожего на доисторическое животное корабля. О том, что переговорные трубы оживали каждые пятнадцать минут: «По местам!», «Мусорная баржа по борту!», «Вахте заступить по-походному!». О том, что сигнал к пробуждению, передаваемый по громкой связи, звучал как: «Подъем, подъем, всем вставать!» Правда, в пять тридцать Маргарет слышала более пикантную версию: «Подъем, подъем, всем вставать, руки с членов убрать, носки надевать!» О том, что у личного состава на этом корабле было столько разных званий и функций, что просто уму непостижимо: от морских пехотинцев до кочегаров-машинистов и летчиков. О том, что в столовой могли одновременно разместиться триста девушек, от которых шума было не меньше, чем от стаи скворцов, и что такой хорошей еды, как вчера за ужином, она уже два года не видела. О том, что буквально первый морской закон, который им велели зарубить себе на носу, был «дхоби^[15] подводника»: на несколько секунд включить душ, чтобы намочить тело, затем выключить и только потом намыливаться, а затем быстро ополоснуться проточной водой. Жизненно важно, внушали им представители Красного Креста, экономно расходовать воду, чтобы насосные установки успевали ее опреснять и менять. Но после посещения душевых она поняла, что, наверное, является единственной, кто соблюдает данные инструкции.

За ее спиной, скрытая от посторонних глаз тщательно сложенным одеялом, спала Мод Гонн. После приветственной речи капитана Маргарет бегом вернулась в каюту – Дэниел сказал бы «протопала» – и заткнула пасть скулившей собаке украденными пресными лепешками, затем, во избежание конфуза, отнесла ее в уборную. Не успела Маргарет вернуться, как в каюту вошла Фрэнсис. И Маргарет пришлось срочно лечь, собаку спрятать под одеяло и положить ей руку на голову, чтобы не высывалась.

Это стало целой проблемой. Маргарет рассчитывала, что получит отдельную каюту, ведь большинству беременных невест именно такие и предоставили. Ей даже в голову не могло прийти, что у нее будут соседки.

И она гадала про себя, можно ли доверять Фрэнсис, занимавшей койку напротив. На вид та вроде была нормальной, но настолько немногословной, что бог ее знает. Более того, Фрэнсис работала медсестрой, а медсестры, как известно, строго придерживаются установленных правил.

Маргарет беспокойно заворочалась на койке, чувствуя, как вибрируют где-то внизу

двигатели. Ей так много всего хотелось сказать Джо, поведать ему о странностях своего путешествия, о том, что неожиданно для себя она попала в странный мир, где девушки впадают в истерику не из-за своего будущего, а из-за торговой марки шампуня или чулок – «Ой, а где ты такие достала? Я их везде искала!» – и делятся интимными переживаниями, словно дружат уже много-много лет, а не познакомились лишь сутки назад.

Мама наверняка сумела бы мне объяснить, думала Маргарет. Она смогла бы найти с ними общий язык, перевести его на человеческий, а затем поставить точку с помощью парочки крепких словечек. Если бы я знала, что мама уйдет, то слушала бы ее гораздо внимательнее. Относилась бы к маминым словам с большим уважением, а не тратила бы понапрасну время, пытаясь равняться на братьев. А в результате в душе возникла незаживающая рана, которая постоянно давала о себе знать, поскольку многие вопросы так и остались без ответа.

Маргарет бросила взгляд на часы. Они, должно быть, сейчас едут на тракторе, расчищают мелкую поросль по краям луга для выпаса бычков, чем, собственно, занимаются каждое лето. Колм как-то в шутку сказал, что она непременно рехнется после всех этих недель в обществе женщин. А папа ответил, что, может, это, наоборот, научит ее уму-разуму. Маргарет украдкой изучала окружавшие ее чисто женские ловушки: шелк, нейлон, цветочные рисунки, а еще кремы для лица и маникюрные наборы. Она даже не ожидала, насколько чужды ей окажутся подобные вещи.

– Дать тебе мою подушку? – Фрэнсис оторвалась от своего романа и показала на живот Маргарет.

– Нет. Спасибо.

– Брось, тебе же так неудобно.

Это была самая длинная фраза, произнесенная Фрэнсис с тех пор, как они познакомились. Немного поколебавшись, Маргарет с благодарностью взяла подушку и подложила под бедро. Что правда, то правда: по ширине и комфорту их койки можно было сравнить разве что с гладильной доской.

– Тебе когда рожать?

– Примерно через пару месяцев, – ответила Маргарет, неуверенно поерзав на матрасе. – Хотя, полагаю, нам еще повезло. Ведь они могли дать гамаки.

Улыбка на лице Фрэнсис сразу угасла, словно, завязав разговор, девушка теперь не знала, о чем еще говорить. И она снова открыла книгу.

Мод Гонн поскуливала и беспокойно ворочалась во сне, скребя когтями по спине Маргарет. Но шум, слава богу, заглушали урчание двигателей и болтовня проходивших мимо их полуоткрытой двери девушек. Однако надо было срочно что-то делать. Мод Гонн не сможет пролежать так все шесть недель. И даже если Маргарет будет выводить ее только в уборную, не исключена вероятность, что там окажутся другие девушки. И как тогда заставить собаку сидеть смирно?

Господи, подумала она, снова пытаясь поудобнее устроить живот. Ну как тут соберешься с мыслями, когда ни минуты покоя: ребенок постоянно пихается, а вокруг день и ночь толпа женщин!

Дверь распахнулась, в каюту вошла Эвис, не забыв при этом пригнуть голову – ей вовсе не хотелось предстать перед Иэном с синяком на лбу, – и улыбнулась девушкам, лежавшим на нижних койках. Койки представляли собой положенные на сетку из переплетенных ремней

матрасы, расстояние между ними составляло менее пяти футов, и чемоданчики с минимумом вещей были составлены у временной стенки из металлических листов, которая отделяла их каюту от соседней.

Все помещение было меньше туалета у нее дома. И никаких скидок на женский пол временных обитателей кают: ткани исключительно практичные, голый пол без ковра, все окрашено в серый цвет военного корабля. Зеркала были только в душевых, где вечно стояли облака пара. Чемоданы побольше, с одеждой и прочими вещами, хранились на шканцах в вонявших авиационным топливом шкафчиках, доступ туда можно было получить только по специальному разрешению на редкость неприветливой тетки из женской вспомогательной службы, которая уже дважды успела напомнить Эвис – причем явно из зависти, – что корабль не место для показа мод.

И вообще, Эвис страшно разочаровали ее попутчицы. Везде, где она побывала сегодня утром, ей встречались хорошо одетые девушки, вид которых однозначно свидетельствовал о том, что они стоят с Эвис на одной ступеньке социальной лестницы. В их компании она могла бы хоть на время забыть об ужасах этого корабля. Но нет, ей приходится делить каюту с беременной деревенской девчонкой и угрюмой медсестрой. Вопреки ожиданиям Эвис, медсестра смотрела на других немного свысока, словно после всех страстей, что ей довелось увидеть, остальные девушки, пытавшиеся хоть как-то развлечься, казались ей безмозглыми пустышками. Ну и конечно, эта прилипала Джин!

– Эй, там, товарищи по плаванию! – Джин забралась на верхнюю полку над головой Маргарет – ее голые худые конечности были точь-в-точь как у обезьянки – и закурила сигарету. – Мы с Эвис разведали, что тут есть на борту. На нижней галерейной палубе, ближе к баку, имеется кинозал. Кто-нибудь хочет попозже посмотреть кино?

– Нет. Но все равно спасибо, – ответила Фрэнсис.

– Пожалуй, я тоже останусь. Напишу пару писем. – Эвис залезла на верхнюю койку, старательно придерживая рукой юбку. Это оказалось не так-то просто. – Что-то я притомилась.

– А ты, Мэгги? – свесилась вниз Джин.

Увидев голову Джин, Маргарет подпрыгнула и сразу согнулась в три погибели. И Эвис подумала, что она еще более странная, чем показалась с первого взгляда. Маргарет, похоже, почувствовала, что ведет себя не вполне адекватно. Она пошарила у себя за спиной, достала журнал и с напускной беззаботностью открыла его.

– Нет, – сказал она. – Спасибо. Я... Я лучше отдохну.

– Ага. Тебе полезно. – Джин снова уселась на койке и сделала глубокую затяжку. – Не хватает только, чтобы ты здесь родила!

Эвис искала щетку для волос. Она несколько раз обшарила косметичку, затем слезла с койки и пристально посмотрела на попутчиц. Теперь, когда радостное возбуждение по поводу отъезда улеглось и она наконец осознала, в каких условиях ей придется провести следующие шесть недель, настроение у нее резко испортилось. А ее сияющая улыбка померкла.

– Простите за беспокойство, но никто из вас, случайно, не видел моей щетки для волос? – Она подумала, что это очень благородно с ее стороны не указывать сразу на Джин.

– А как она выглядит?

– Серебряная. С моими инициалами. По мужу, естественно. Э. Р.

– Наверху ее нет, – сказала Джин. – Когда двигатели заработали на полную, из

чемоданов кое-что вывалилось. Ты на полу искала?

Эвис опустила на колени, в душе проклиная тусклую лампочку без абажура под потолком. Если бы в каюте имелся иллюминатор, ей не пришлось бы так напрягать глаза. И правда, все стало бы гораздо приятнее с видом на море. Она точно знала, что в каютах некоторых девушек иллюминаторы были. И не понимала, почему папа не удосужился поставить такое условие. И вот когда Эвис шарил рукой под койкой Фрэнсис, она вдруг почувствовала, как что-то мокрое и холодное коснулось внутренней поверхности ее бедра. С диким визгом она вскочила на ноги, ударившись головой о койку Фрэнсис.

– Что, ради всего святого...

Она даже стала заикаться из-за пронзившей голову дикой боли. Прижав юбку поплотнее к бедрам, она изогнулась, чтобы посмотреть, что там у нее за спиной.

– Кто это сделал? У кого это такое странное чувство юмора?

– А что случилось? – сделала большие глаза Джин.

– Меня кто-то шлепнул по заднице! Кто-то сунул свои холодные мокрые руки мне... – И Эвис, не в состоянии подобрать нужные слова, принялась подозрительно озираться, словно ожидая увидеть незаметно пробравшегося в каюту маньяка. – Меня кто-то шлепнул по заднице, – повторила она.

Все как воды в рот набрали.

Фрэнсис с непроницаемым лицом молча смотрела на Эвис.

– Я не выдумываю, – оцетинилась Эвис. Лицо ее пылало, сердце лихорадочно билось.

И тут все взгляды обратились на Маргарет, которая свесилась через край койки, бормоча что-то себе под нос. Эвис с вызывающим видом смотрела на нее круглыми глазами.

Маргарет бросила на Эвис виноватый взгляд. Потом подошла к двери, закрыла ее и тяжело вздохнула:

– Вот черт! Мне надо вам кое-что сказать. Я рассчитывала на отдельную каюту, потому что я... такая...

Эвис сделала шаг назад, что в тесноте каюты было отнюдь не легко.

– Какая «такая»? Господи! Надеюсь, ты не одна из этих... с отклонениями от нормы? О боже!

– С отклонениями от нормы? – переспросила Маргарет.

– Я знала, что мне не стоило ехать.

– Да беременная я, идиотка несчастная! Я рассчитывала на отдельную каюту, потому что я беременная!

– Неужели ты решила устроить под койкой гнездо? – поинтересовалась Джин. – Моя кошка так делала, когда окотилась. Ох и грязи же было!

– Нет, – отрезала Маргарет. – Не делала я никакого чертова гнезда! Послушайте, я все пытаюсь вам что-то сказать. – Лицо ее стало бордовым.

– У тебя что, такая манера извиняться? – Эвис воинственно сложила руки на груди.

– Это не то, что ты думаешь, – покачала головой Маргарет. Она встала на четвереньки, что-то ласково пропела и пошарила под койкой рукой. Через секунду она вытащила оттуда маленькую собачку.

– Девочки, – сказала она. – Познакомьтесь с Мод Гонн.

Девушки уставились на собаку, равнодушно смотревшую на них слезящимися глазами.

– А ведь я догадывалась! Догадывалась, что у тебя явно что-то на уме! – ликующим тоном произнесла Джин. – Еще когда мы стояли на полетной палубе, я сказала себе: «Эта

Маргарет, она не так проста. Наверное, хитрая bestия».

– Ой, ради всего святого, – поморщилась Эвис. – Ты хочешь сказать, что это твоя...

– Эвис, твои штанишки все же тебегодились, а? – насмешливо произнесла Джин.

Фрэнсис внимательно смотрела на собаку.

– Но на борту запрещено держать домашних животных, – сказала она.

– Я знаю.

– Мне очень жаль, но можешь даже и не надеяться, что она будет сидеть смирно, – нахмурилась Эвис. – И в нашей спальне будет вонять.

В каюте воцарилось тягостное молчание, невысказанные мысли словно повисли в воздухе.

И тут беспокойство побороло природную деликатность Эвис.

– Мы шесть недель будем плыть на этой штуке. И где она будет делать свои делишки?

Маргарет села, пригнув голову, чтобы не стукнуться о верхнюю койку. Собака устроилась у нее на коленях.

– Она очень чистоплотная – и я хорошо все продумала. Вы ведь ничего не заметили прошлой ночью, да? Когда вы уснули, я выгуляла ее на палубе.

– Выгуляла на палубе?!

– А потом все убрала. Послушайте, она даже не лает. И я постараюсь, чтобы она «делала свои делишки» подальше от вас. Пожалуйста, не надо на меня доносить. Она... Очень старая... Ее подарила мне мама. И... – Маргарет отчаянно заморгала. – Это все, что у меня от нее осталось. Я не могу бросить Мод Гонн. Хорошо? – Девушки молча переглянулись. Маргарет даже покраснела от волнения. Она не хуже своих попутчиц понимала, что еще не пришло время для столь доверительных отношений. – Всего на несколько недель. Это действительно очень важно для меня.

В каюте снова повисло тягостное молчание. Медсестра опустила глаза:

– Если хочешь попробовать оставить ее здесь, я не возражаю.

– Я тоже, – подхватила Джин. – Если, конечно, она не будет грызть мою обувь. Она довольно миленькая. Для такого крысеныша.

Эвис понимала, что не может стать единственной, кто будет против: тогда все подумают, будто у нее нет сердца.

– А как насчет морских пехотинцев? – спросила она.

– Что?

– Тех, что будут стоять на часах у нас под дверью начиная с завтрашней ночи. Разве ты не слышала, что говорила тетка из женской вспомогательной службы? Тебе не удастся вывести собаку.

– Морские пехотинцы?! Зачем?

– Они заступают на дежурство в половине десятого. Наверное, чтобы нас никто не смог изнасиловать, – произнесла Джин. – Вы только представьте! Тысяча изголодавшихся мужчин лежат всего в футах под нами. Если они захотят, то вышибут дверь и...

– Ой, ради всего святого! – Эвис прижала руки к шее.

– И еще, – сально ухмыльнулась Джин, – возможно, это и для того, чтобы держать нас взаперти.

– Ну, тогда придется выводить ее до появления морских пехотинцев.

– На сходнях будет слишком много народу, – заметила Джин.

– Возможно, нам следует кому-нибудь сообщить, – сказала Эвис. – Не сомневаюсь, они

поймут. Возможно, у них даже имеются... удобства на такой случай. Комната, куда ее можно поместить. Мне кажется, ей будет гораздо приятнее, если будет где побегать. Ведь так?

Нет, она не имела ничего против собак, но ей было неприятно, что кому-то все же удалось пронести что-то тайком. Ведь их багаж взвесили до последней унции, строго ограничили продуктовые посылки, заставили их оставить любимые вещи. А эта девчонка имела наглость всех обдурить.

– Нет, – отрезала Маргарет, ее лицо потемнело. – Ты ведь слушала сегодня утром нашего капитана. Мы еще слишком близко от дома. Они посадят собаку в шлюпку, чтобы отправить обратно в Сидней, и я больше ее никогда не увижу. Нет, я не могу рисковать. По крайней мере, не сейчас.

– Мы будем держать рот на замке, – сказала Джин, глядя собаку по голове. И у Эвис промелькнула мысль, что Джин будет поддерживать любое действие, ниспровергающее основы власти. – Правда, девочки? Это даже прикольно. Я буду таскать для нее вкусняшки с обеденного стола.

– Эвис? – подала голос Маргарет.

Ну вот, теперь меня будут считать занудой, подумала Эвис.

– Я ни слова никому не скажу, – выдавила она. – Только держи ее от меня подальше. И если тебя вдруг раскроют, уж будь любезна сообщить, что мы здесь ни при чем.

В команде корабля было тридцать пять – сорок морских пехотинцев, блестящие внешность и манеры, как правило, выгодно отличали их от нас, простых матросов, вызывая наше немалое удивление... Их латунные пуговицы и ботинки всегда сверкали, и весь внешний вид отличался особой изысканностью.

Л. Тромен. Вино, женщины и война

Второй день плавания

Для того чтобы отвлечь тех невест, у которых первоначальное возбуждение сменилось тоской по дому, уже на второй день плавания на авианосце «Виктория» им были предложены мероприятия, приведенные в торжественном выпуске «Ежедневных судовых новостей», а именно:

10.00 Протестантское богослужение (палуба Е).

13.00 Прослушивание музыкальных записей.

14.30 Палубные игры (полетная палуба).

16.00 Курсы вязания (четыре унции розовой или белой шерсти и две пары спиц в одни руки предоставляются Красным Крестом).

17.00 Лекция «Замужество и семейная жизнь», читает судовой капеллан.

18.30 Вечер игры в бинго (зона отдыха, главная палуба).

19.30 Католическая месса.

Из всего списка наибольший интерес вызвали палубные игры и вечер игры в бинго, а наименьший – лекция. Капеллан имел слишком суровый вид, и одна из невест остроумно заметила, что они не нуждаются в лекциях человека, который выглядит так, будто ему хочется помыться всякий раз, как он коснется проходящей мимо женщины.

Тем временем газета с замысловатым названием, которую с помощью двух невест выпускала одна из офицеров женской вспомогательной службы, сообщила о двух днях рождения: миссис Джозефин Данфорт (19-го) и миссис Элис Саттон (22-го) – и обратилась с просьбой к читательницам приходить со свежими сплетнями и с наилучшими пожеланиями, что поможет провести путешествие «в приятной и дружеской обстановке».

– Сплетни, а? – задумчиво произнесла Джин, которой вслух зачитали этот пассаж. – Зуб даю, к концу поездки у них будет столько материала, что хватит на двадцать чертовых газет.

Эвис встала сегодня пораньше, чтобы пойти на протестантское богослужение. Она надеялась, что в церкви ей удастся познакомиться с теми, кто больше подходит ей по социальному статусу. Ее возмутило, когда Маргарет объявила, что будет посещать католические мессы. Она еще ни разу не встречала папистов, как называла их ее мама, однако постаралась ничем не выдать своих чувств.

Джин, успевшая заявить, что не придерживается никакой веры (неудачный опыт с братом во Христе), собиралась на прослушивание музыкальных записей, поскольку

рассчитывала, что там будут устроены танцы. Сообщив, что чувствует себя совсем как «кенгуру-валлаби, севший голой задницей на термитник», она в мгновение ока испарилась.

Маргарет, ласково поглаживая собаку, лежала на койке и читала один из журналов Эвис. Время от времени она презрительно фыркала:

– Здесь написано, что нельзя слишком часто спать на боку, а иначе будут морщины. А как, черт возьми, можно спать по-другому?!

Правда, затем она вспомнила, что Эвис, накрутив волосы на бигуди, лежала на спине, испытывая явные неудобства, и решила в будущем воздержаться от подобных комментариев.

Тем временем Фрэнсис воспользовалась удобным случаем и, ни слова не говоря, исчезла из каюты. Одета в некое подобие ее прежней формы – брюки цвета хаки и блузка с коротким рукавом, – она незаметно проскользнула по коридору, здороваясь кивком с проходящими мимо девушками, и спустилась по трапу.

Ей пришлось дважды постучаться, чтобы наконец получить ответ, но даже тогда она слегка отпрянула и проверила еще раз табличку на двери.

– Входите.

Она вошла в лазарет, где вдоль стен стояли высокие – от пола до потолка – застекленные стеллажи с баночками и аптечными склянками. За столом сидел мужчина в штатском, с прилизанными короткими рыжими волосами. У него было веснушчатое лицо и глаза в сеточке морщин, должно быть от привычки постоянно щуриться, но, судя по его поведению, скорее от смешливости характера.

– Да входите же. А то из-за вас помещение выглядит неряшливо. – (Фрэнсис зарделась, поняв, что он шутит, и нерешительно шагнула к нему.) – Ну, на что жалуетесь? – Он водил рукой по столу, будто в такт одному ему слышимому ритму.

– Ни на что. – Она расправила плечи, ее спина в накрахмаленной блузке казалась негнущейся. – Вы хирург? Мистер Фарадей?

– Нет. – Он посмотрел на Фрэнсис, явно прикидывая, как бы ее развеселить. – Винсент Даксбери. Штатский пассажир. Вы, наверное, приняли меня за другого. Он, хм... не смог продолжить плавание. Поэтому капитан Хайфилд попросил меня заступить вместо него. И, если честно, определил некий стандарт развлечений на борту, которому я счастлив следовать. Так чем могу быть полезен?

– Не уверена, что можете. – Она была явно сбита с толку. – По крайней мере, не совсем так, как вы думаете. Фрэнсис Маккензи. Медсестра Фрэнсис Маккензи. Насколько я слышала, некоторым невестам разрешили исполнять секретарские обязанности или вроде того. Поэтому и хочу предложить вам свои услуги.

Винсент Даксбери пожал ей руку и жестом пригласил садиться.

– Медсестра, а? Я не сомневался, что на борту все же есть несколько. И каков ваш опыт работы?

– Пять лет на островах Тихого океана. Последнее место службы – Австралийский главный военный госпиталь за номером 2/7, Моротай. – Она с трудом поборола желание добавить слово «сэр».

– Мой двоюродный брат был в японском плену. Вернулся в сорок третьем. А ваш муж?

– Мой? О... – Она явно смутилась. – Альфред Маккензи. Королевские уэльские фузилеры.

– Королевские уэльские фузилеры... – медленно, со значением повторил он.

Она сложила руки на груди.

Доктор Даксбери откинулся на спинку кресла, поигрывая горлышком бутылки из коричневого стекла. Он так и остался в куртке, хотя явно сидел здесь давно. Внезапно до нее дошло, что запах алкоголя был не совсем медицинским.

– Итак... – (Она терпеливо ждала, стараясь не бросать строгих взглядов на этикетку бутылки.) – Значит, вы хотите нести службу. Эти шесть недель.

– Если могу быть полезной, то да. – Она сделала глубокий вдох. – Я умею обрабатывать ожоги, лечить дизентерию и восстанавливать органы пищеварения. У бывших военнопленных.

– О-хо-хо.

– Я не слишком хорошо разбираюсь в гинекологии или акушерстве, но, по крайней мере, смогу помочь в лечении моряков. Я наводила справки на госпитальном судне «Ариадна», которое было моим последним местом службы, и мне сказали, что на авианосцах отмечается несоразмерное число травм, особенно во время летных учений.

– Все правильно, миссис Маккензи.

– Итак... Доктор, дело даже не в том, что я хочу с пользой провести время на борту. Я была бы весьма благодарна, если бы мне предоставили возможность набраться еще опыта... – сказала она и, не получив ответа, добавила: – Я быстро учусь.

В разговоре возникла длинная пауза. Она подняла на него глаза, смутившись под его пристальным взглядом.

– Вы поете? – неожиданно спросил он.

– Простите?

– Поете, миссис Макензи. Ну, знаете, всякие там песни из мюзиклов, церковные гимны, арии из опер. – Он принялся напевать себе под нос какую-то незнакомую мелодию.

– Боюсь, что нет, – ответила она.

– Жаль. – Он сморщил нос, затем хлопнул рукой по столу. – Я надеялся, что мы сможем собрать вместе всех наших девушек и поставить какое-нибудь шоу. Какая прекрасная возможность, а?

Коричневая бутылка, которую она заметила, была пуста. Ей так и не удалось разобрать, что же написано на этикетке, но теперь после каждого слова доктора запах того, что некогда было содержимым бутылки, становился все ощутимее.

– Доктор, не сомневаюсь, это была бы... очень полезная идея... – Она попыталась собраться с духом. – Но мне хотелось бы знать, сможем ли мы просто обсудить...

– «Так давно и так далеко...»^[16] А вы знаете «Плавучий театр»?^[17]

– Нет, – ответила она. – Боюсь, что нет.

– Жаль. А «Старик-река»?^[18] – Закрыв глаза, он принялся напевать себе под нос.

Она сидела, сложив руки на коленях, и мучительно размышляла, можно ли его перебить.

– Доктор? – (Пение плавно перешло в низкое мелодичное мурлыканье. Его голова была откинута назад.) – Доктор, у вас есть какие-нибудь идеи насчет того, когда мне можно приступить?

– «Он просто продолжает накатывать свои волны...»^[19] – Доктор приоткрыл один глаз. Допел строчку до конца. – Миссис Маккензи?

– Если хотите, я могу начать прямо сегодня. Если сочтете, что я могу... оказаться полезной. У меня в каюте есть форма. Я специально оставила ее в сумке.

Он сразу перестал петь. И широко улыбнулся. А ее мучил вопрос: неужели так будет

каждый день? Тогда ей придется тайно пересчитывать бутылки, как было в случае с доктором Арбатнотом.

– Знаете, что я хочу вам сказать, Фрэнсис? Можно мне называть вас Фрэнсис? – Он направил на нее горлышко бутылки. У него был такой вид, будто он наслаждался возможностью проявить необычайное великодушие. – Я собираюсь сказать вам, чтобы вы уходили.

– Простите?

– Я вас, наверное, уже достал, да? Нет, Фрэнсис Маккензи. Вы пять лет служили своей стране и моей тоже. И имеете право на маленькую передышку. И я собираюсь прописать вам шестинедельный отпуск.

– Но я хочу работать, – нахмурилась она.

– Никаких «но», миссис Маккензи. Война окончена. И уже через несколько недель, которые пролетят как один миг, у вас будет самая важная в вашей жизни работа. Вы и оглянуться не успеете, как станете нянчить собственных ребятишек, и, можете мне поверить, по сравнению с этим уход за ранеными солдатами покажется вам плевым делом. Уж кто-кто, а я точно знаю. Три мальчика и девочка. И каждый как динамо-машина. – Он начал загибать пальцы, чтобы сосчитать детей, затем обреченно покачал головой, словно не справившись с дистанционной оценкой своих отпрысков. – И я хочу, чтобы начиная с сегодняшнего дня это стало единственной работой, которая будет вас интересовать. *Настоящая женская работа*. И хотя я действительно наслаждаюсь обществом столь привлекательной молодой женщины, я настаиваю на том, чтобы и вы начали наслаждаться последними днями свободы. Сделайте прическу. Посмотрите кино. Почистите перышки перед встречей с вашим стариком. – (Она молча смотрела на него во все глаза.) – Все. Можете идти. Да идите же вы, наконец! – (Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что она получила отказ. Он оттолкнул ее протянутую руку.) – И получайте удовольствие! Спойте пару песенок! «Уступи место завтрашнему дню»^[20].

И пока она поднималась по трапу, у нее в ушах стояло его пение.

В тот вечер морской пехотинец появился за минуту до половины десятого. Очень стройный, с темными прилизанными волосами и экономными движениями человека, привыкшего быть невидимым, он заступил на пост у дверей их спальни и остался стоять, ноги на ширине плеч, спиной к двери, глядя прямо перед собой. Он отвечал также за две каюты, по обеим сторонам от их собственной, и еще за пять кают. Остальные морские пехотинцы были расставлены через равные промежутки друг от друга.

– Чтобы так не доверять людям! Один – прямо под нашей дверью, – пробормотала Маргарет.

Невесты читали или писали, лежа на койках, а Эвис красила ногти лаком, купленным в лавке военторга при офицерской кают-компании. Лак оказался не того оттенка, но, как уже успела понять Эвис, для того чтобы пережить столь нелегкое путешествие, необходимо себя немножко баловать.

Услышав тяжелые шаги в коридоре и увидев сквозь полуоткрытую дверь спину часового, девушки переглянулись. Маргарет инстинктивно посмотрела на спящую собаку. Они ждали, что он поздоровается или даст им хоть какие-то инструкции, однако он просто стоял как вкопанный.

Без четверти десять Джин вышла в коридор и предложила ему сигарету. И когда он

отказался, небрежно закурила и принялась засыпать его вопросами. А где находится кинозал? Кормят ли моряков тем же самым, что и невест? Любит ли он картофельное пюре? Он отвечал односложно, улыбнувшись всего один раз, когда она поинтересовалась, а что он делает, когда ему надо в сортир. («Боже мой, Джин!» – пробормотала за дверью Эвис.)

– Мы приучены терпеть, – сухо произнес он.

– А где вы спите? – кокетливо спросила она, прислонившись к идущей по стене трубе.

– В своем кубрике, мэм.

– А где он находится?

– Служебная тайна.

– Не вешайте мне лапшу на уши. – (Морпех с каменным лицом смотрел прямо перед собой.) – Мне просто интересно. – Она подошла поближе и заглянула ему в лицо. – Ой, да бросьте! Мои игрушечные солдатики и то более разговорчивы.

– Мэм.

Она явно собиралась пустить в ход тяжелую артиллерию. Обычное оружие, похоже, на него не действовало.

– По правде говоря, – начала она, смяв окурок, – я хотела вас кое о чем спросить, но стесняюсь.

Моряку явно все это надоело. И немудрено, подумала Эвис.

Джин задумчиво описывала полукруг носком туфли.

– Пожалуйста, никому не говорите, но я совершенно не ориентируюсь, – сказала она. – Мне очень хотелось бы немного пройтись, но сегодня я уже дважды заблудилась, и остальные девушки надо мной потешаются. Поэтому как-то неловко их просить. Я сегодня даже пропустила обед, потому что не нашла столовую. – (Морпех немного расслабился. Он слушал очень внимательно.) – Понимаете, это потому, что мне всего шестнадцать. Вообще-то, я не очень-то успевала в школе. Чтение и прочие дела. И я не могу... – Она перешла на трагический шепот. – Не могу разобрать карту корабля. Может, вы мне ее объясните, ладно?

Морпех явно колебался, но не выдержал и сдался.

– На доске объявлений есть карта. Если хотите, могу вам все показать. – Он говорил тихим, но очень звучным голосом.

– Ой, да неужели?! – наградив его неотразимой улыбкой, воскликнула Джин.

– Чтоб мне провалиться, она великолепна! – бросила стоявшая под дверью Маргарет.

Когда Маргарет с Эвис выглянули в коридор, парочка уже стояла перед большой картой примерно в пятнадцати футах от трапа. Маргарет вышла из каюты в халате, с несуразно большой сумочкой для туалетных принадлежностей в руках и, проходя мимо, весело помахала им рукой. Морпех отдал ей честь и, повернувшись к Джин, продолжил объяснять, как с помощью карты пройти, например, с ангарной палубы в прачечную. Джин явно ловила каждое его слово.

– Нет, все равно не то, – вернувшись, заявила Маргарет. Она тяжело опустилась на койку, а собака тем временем бегала по каюте, деловито обнюхивая пол. – Это не прогулка. Я хочу сказать, что она ведь привыкла бегать по полям.

Эвис, которая сидела перед дорожным зеркалом и втирала в лицо кольдкрем, так и подмывало сказать, что раньше надо было думать, но она вовремя прикусила язык. Ее сейчас гораздо больше волновало то, что морской воздух просто ужасно действует на кожу, а очень не хотелось при встрече с Иэном выглядеть как кусок бомбейской утки^[21].

Дверь открылась.

– Высший класс, – увидев ухмыляющуюся Джин, сказала Маргарет. – Джин, ты была просто неподражаема.

Джин самодовольно улыбнулась.

– Ну вот, девочки, теперь вы поняли... – начала она и остановилась. – Чтоб мне провалиться! Эвис, что у тебя со ртом? Ты похожа на морского окуня.

Эвис поспешно закрыла рот.

– Джин, ты даже не представляешь, как я тебе благодарна! – воскликнула Маргарет. – Я даже и не надеялась, что он хотя бы на шаг стронется с места. Я имею в виду, что твои слова, будто ты не умеешь читать, – просто мастерский ход.

– Что?

– Я бы до такого в жизни не додумалась. Уж кто-кто, а ты точно на ходу подметки рвешь!

Джин наградила ее странным взглядом.

– У меня и в мыслях не было, подружка, – сказала Джин и, уставившись в пол, добавила: – Не могу прочесть ни слова. Кроме собственного имени. И никогда не могла.

В каюте повисло неловкое молчание. Эвис пыталась понять, не является ли это очередной дурацкой шуткой Джин, но та даже не улыбнулась.

Затянувшуюся паузу нарушила Джин.

– Твою мать, а это что такое?! – принялась она обмахиваться обеими руками.

Возникло секундное замешательство, но затем гнилостный запах в каюте объяснил вспышку ее эмоций.

– Простите, дамы, – поморщилась Маргарет. – Я говорила, что она очень чистоплотная, но не обещала, что она не будет пукать.

Джин разразилась истерическим смехом, и даже Фрэнсис выдавила страдальческую улыбку.

Эвис возвела глаза к небесам и подумала, пытаясь унять горечь в душе, о «Куин Мэри».

И вот на вторую ночь на нее навалилась тоска по дому. Маргарет лежала с открытыми глазами в темной каюте, прислушиваясь к надрывному скрипу коек под ворочающимися товарками. Как ни странно, именно изнеможение не давало ей спокойно уснуть. Ей казалось, что она в порядке. Странность всего происходящего и волнение во время отплытия из бухты на время заставили ее забыть о новом окружении. Теперь же, когда она представляла их корабль посреди океана, в чернильной темноте, то испытывала иррациональный страх и детское желание повернуть назад, чтобы найти защиту под кровом родного дома, вне стен которого она доселе не провела ни одной ночи. Братья, должно быть, уже собираются отправиться на боковую. Она представляла, как они расположились, вытянув длинные ноги, за кухонным столом – с тех пор как ушла мать, они практически не пользовались гостиной, – слушают радио, играют в карты, Дэниел читает комикс, а Колм, возможно, заглядывает ему через плечо. Папа, наверное, в своем любимом кресле, руки за головой, на локтях потертые заплатки, глаза закрыты, словно он уже готовится ко сну. Он, как всегда, молчит и только время от времени кивает. Летти, скорее всего, что-то шьет или полирует, вероятно сидя на том же стуле, что некогда занимала мама.

Летти, с которой она так подло поступила.

Маргарет вдруг захлестнула мысль, что ей больше не суждено их увидеть, и она принялась нервно покусывать палец, надеясь физической болью заглушить душевную.

Она вздохнула и погладила Мод Гонн, уткнувшуюся под одеялом в низ ее живота. Нет,

конечно, не следовало брать с собой собачку – это было крайне эгоистичным решением. Ведь она, Маргарет, даже не подумала, как тяжело будет Мод Гонн сутками сидеть взаперти в тесной, шумной каюте. Ведь даже самой Маргарет оказалось очень нелегко, хотя она при желании могла подняться на другие палубы. Прости меня, беззвучно сказала она собаке. Обещаю, что, когда мы прибудем в Англию, я тебе все с лихвой компенсирую. Слеза скатилась по ее щеке.

Снаружи морской пехотинец, сменив положение ног на стальной палубе, тихо поприветствовал кого-то, проходившего мимо. Она услышала, как его рубашка трется о дверь. Где-то вддали по металлическому трапу прогромыхали тяжелые шаги. На верхней койке Джин что-то сонно пробормотала, а Эвис спрятала украшенную бигуди голову под одеяло.

Маргарет еще ни разу не приходилось делить с кем-то комнату – привилегия, полученная благодаря тому, что она была единственной девочкой в семействе Донливи. И теперь она буквально задыхалась в этой крошечной спальне, с закрытой дверью, без единого луча света и глотка свежего воздуха. Она спустила ноги на пол и села. Я не могу этого сделать, сказала она себе, прикрывая колени широкой ночной рубашкой, но я должна собраться. Маргарет вспомнила о Джо, о ласковом, слегка насмешливом выражении его лица.

– Держись, старушка, – прошептала она, чтобы напомнить себе, почему отправилась в это рискованное путешествие.

– Маргарет? – прорезал темноту голос Джин. – Ты что, куда-то собралась?

– Нет, – отозвалась Маргарет, скользнув обратно под одеяло. – Нет, просто... – Она не знала, как объяснить. – Просто не спится.

– Мне тоже.

Ее голосок казался непривычно тонким. И Маргарет внезапно почувствовала острый приступ жалости. Ведь Джин, в сущности, еще совсем ребенок.

– Хочешь спуститься ко мне? – спросила она.

Джин, цепляясь за ступеньки худенькими ножками, тут же ловко спустилась по лестнице и примостилась на другом конце койки.

– Там, наверху, вообще нет места, – хихикнула она, и Маргарет неожиданно для себя хихикнула в ответ. – Только не давай своему ребеночку меня пинать. И не позволяй своей собаке совать нос ко мне в штаны.

Они несколько минут лежали молча. Маргарет так и не смогла решить для себя, приятно ли ей чувствовать кожей чужое тело, или наоборот. Джин беспокойно поерзала, суча ногами, и Маргарет почувствовала, что Мод Гонн настороженно подняла голову.

– А как зовут твоего мужа? – неожиданно спросила Джин.

– Джо.

– А моего – Стэн.

– Ты уже говорила.

– Стэн Каслфорт. Во вторник ему стукнет девятнадцать. Его мамаша не слишком-то обрадовалась, когда он сообщил, что женился, но он говорит, будто сейчас она немного утихомирилась.

Маргарет легла на спину, уставившись в темноту. Она вспомнила о ласковых письмах от матери Джо и мысленно задала себе вопрос, что заставило эту женщину, еще не вышедшую из детского возраста, отправиться в одиночку на другой конец света: смелость или безрассудство.

– Уверена, как только вы познакомитесь, она сразу отгадает, – произнесла Маргарет, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

– Он из Ноттингема, – сообщила Джин. – Знаешь такой?

– Нет.

– Я тоже. Но он говорил, что Робин Гуд родом оттуда. Вот я и прикинула, что там, наверное, кругом лес.

Джин снова заерзала, словно что-то искала.

– Ничего, если я закурю? – свистящим шепотом произнесла она.

– Валяй.

Вспыхнувший на мгновение язычок пламени осветил лицо Джин, она сосредоточенно прикуривала сигарету. Затем спичка погасла, и каюта снова погрузилась во тьму.

– Я вот думаю о Стэне. Он у меня о-го-го какой! Ну, ты понимаешь, – начала Джин. – Ужасно красивый. Все мои подруги так думают. Мы встретились возле кино, и он с приятелем предложил заплатить за билеты для нас с подружкой. «Безумства Зигфилда»^[22]. В цвете. – Она шумно вздохнула. – И он мне сказал, что с самого Портсмута не поцеловал ни одну девушку, и я, естественно, не могла сказать «нет». Они еще не успели спеть «Это мое сердце», а он уже залез мне под юбку. – (И Маргарет услышала, как она что-то мурлычет себе под нос.) – Я выходила замуж в платье из парашютного шелка. Моя тетя Мейвис достала его у одного американского солдата, занимавшегося левыми радиоприемниками. А вот мама все это как-то не слишком одобряла. – Она помолчала. – И вообще, я гораздо лучше лажу с тетей Мейвис. Всегда с ней ладила. Мама считает, что я никудышная и совсем пропащая.

Перевернувшись на бок, Маргарет вдруг подумала о своей матери. О ее непреклонности, властности и вездесущности, о ее веснушчатых руках, по сто раз на день закалывавших выбившуюся из прически прядь волос. И у девушки вдруг пересохло во рту.

– Скажи, а вы делали что-то по-другому, чтобы... Ну, ты понимаешь.

– Что?

– Вам пришлось делать что-то по-другому... чтобы получился ребеночек?

– Джин!

– Что?! – возмутилась Джин. – Но кто-то ведь должен мне объяснить!

Маргарет осторожно села, стараясь не стукнуться головой о верхнюю койку.

– Ты сама должна знать.

– Тогда зачем бы я спрашивала?! Разве не так?

– То есть ты хочешь сказать, что тебе никто никогда не рассказывал... о птичках и пчелках?

– Я знаю, куда он вставляется, – фыркнула Джин, – если ты об этом говоришь. Как раз то, что мне очень даже нравится. Но я не знаю, что надо сделать, чтобы получить ребеночка.

Маргарет буквально онемела от удивления. И тут с верхней койки послышался сердитый голос:

– Если ты так неотесанна, что можешь обсуждать подобные вещи с другими, то, по крайней мере, старайся не шуметь. Некоторые из нас пытаются уснуть.

– Зуб даю, Эвис точно знает, – хихикнула Джин.

– А мне казалось, ты говорила, будто потеряла ребенка, – многозначительно произнесла Эвис.

– Ой, Джин, мне так жаль! – Маргарет невольно прижала руку ко рту.

В разговоре возникла неловкая пауза.

– Если честно, – отозвалась Джин, – я по-настоящему и не была беременна. – (Маргарет услышала, как Эвис заворочалась под одеялом.) – Так вот, у меня задержались... сами знаете что. И моя подружка Полли объяснила, что я, того-этого, залетела. Ну, я так и сказала. Я знала, что тогда меня возьмут на корабль. Хотя когда я прикинула числа, то сообразила, что никак не могла, если вы понимаете, о чем я. А потом они дважды отложили медицинскую проверку. И тогда я соврала, что потеряла ребеночка, и начала горько плакать, потому что и сама уже успела поверить. Медсестричка меня пожалела и сказала, зачем кому-то знать, так это или не так, ведь самое главное – доставить меня к моему Стэну. Мэгги, наверное, поэтому меня и поместили к тебе. – Она сделала глубокую затяжку. – Вот такие дела. Я не нарочно врала. – Она перекатилась на другой бок, достала туфлю и затушила сигарету о подошву. В голосе ее появились агрессивные нотки. – Но если кто-нибудь из вас меня заложит, я в любом случае скажу, что потеряла ребенка уже на борту. Так что нет смысла стучать на меня.

Маргарет сложила руки на животе:

– Джин, никто не собирается стучать на тебя.

Эвис демонстративно промолчала.

Снаружи, где-то вдалеке, послышался звук сирены, предупреждающей о тумане. На одной низкой заунывной ноте.

– Фрэнсис? – сказала Джин.

– Она спит, – прошептала Маргарет.

– А вот и нет. Я видела ее глаза, когда прикуривала. Фрэнсис, ты ведь меня не заложишь, да?

– Нет, – отозвалась Фрэнсис. – Не заложу.

Джин вылезла из кровати, потрепала Маргарет по ноге и проворно забралась к себе на койку, а потом еще долго шебуршилась, устраиваясь поудобнее.

– Да ладно вам, – наконец произнесла она. – Так кому из вас нравится это делать и откуда все-таки берутся дети?

С полетной палубы тысячефунтовая бомба, сброшенная с бомбардировщика «Штука»^[23], выглядит совсем как пивная бочка. Беззаботно и весело она выкатывается, словно из пивного подвала, из подбрюшья зловещего маленького самолетика, защищаемого с флангов истребителями. На секунду застывает в воздухе, а затем – в окружении своих собратьев – плывет вниз, в сторону корабля, нацеленная, точно невидимой рукой, прямо на палубу.

Именно об этом думает, среди прочего, капитан Хайфилд, глядя в глаза надвигающейся смерти. Об этом, а еще о том факте, что, когда столб пламени поднялся с бронированной палубы, окружая командный центр корабля и распространяя жар раскаленного металла, он, капитан, охваченный всепоглощающим ужасом – момент, который он всегда предвидел, – забыл нечто очень важное. Нечто такое, что он непременно должен был сделать. И даже в состоянии ступора он безотчетно осознает, как смехотворно думать о невыполненном задании сейчас, перед лицом неминуемой гибели.

[Купить полную версию книги](#)

Yaar (хинди) – дружеское неформальное обращение. – *Здесь и далее прим. перев.*

Chai (инд.) – чай с молоком и со специями.

Суффикс «джи» индийцы добавляют в знак особого расположения.

Мумбаи – принятое в настоящее время название Бомбея.

«*Danny Boy*» – лирическая песня; согласно одним трактовкам, она посвящена герою, погибшему за свободу Ирландии, а согласно другим – является посланием от родителей сыну, ушедшему на войну или эмигрировавшему.

Лейчхардт, Дарлингхерст – районы Сиднея.

«*Куин Мэри*» – трансатлантический лайнер, назван в честь супруги короля Георга V королевы Марии.

«*Веселые Гордоны*» – шотландский групповой мужской танец.

Авианосец «Виктория» – вымышленный корабль, прообразом которого стал авианосец «Викториес». Он был спущен на воду в 1939 году и утилизирован в 1968 году в Фаслейне, Шотландия.

Чоки (chalkie, австрал. сленг) – школьный учитель.

Джин Харлоу – американская актриса, кинозвезда и секс-символ 1930-х годов.

«Юнион Джек» – государственный флаг Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

«Вальсируя с Матильдой» – неофициальный гимн Австралии.

Остров – надстройка на авианосце.

Дхоби – индийская каста, занимающаяся стиркой белья.

Слова песни из музыкального фильма 1944 года с участием Риты Хейворт и Джина Келли.

«Плавучий театр» – мюзикл 1936 года.

Песня из мюзикла «Плавучий театр».

Слова из песни «Старик-река».

Слова из песни к одноименному фильму 1937 года.

Бомбейская утка – разновидность рыбы, которая водится в Аравийском море, особенно у побережья Бомбея. Из-за того что рыба не имеет собственного вкуса, перед употреблением ее часто сушат и солят.

«Безумства Зигфилда» – фильм-концерт из номеров шоу, поставленных американским антрепренером Флоренцом Зигфилдом.

«Юнкерс Ю-87», или «Штука» – немецкий пикирующий бомбардировщик, принятый на вооружение люфтваффе.